

Русские классики. Алексей Толстой и Александр Куприн

А вот с Натальей Сергеевной у Куприна полного взаимопонимания не получилось: супруге великого князя не понравилось то, что бывшим хозяевам дворцов комиссия запрещала вывозить произведения искусства и драгоценности...¹

ЛУКАВСТВО АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО

Как будто другими глазами читаем мы теперь и давно знакомые книги. Как, казалось бы, убедительно, в высоком стиле описаны события, интересующие нас, у Алексея Толстого в «Хождении по мукам»: «...цепи рабства разбиты. В три дня, без единой капли крови, русский народ совершил величайшую в истории революцию. Коронованный царь Николай отрекся от престола, царские министры арестованы, Михаил, наследник престола, сам отклонил от себя непосильный венец...» – так говорил перед солдатами комиссар Временного правительства, вскоре растерзанный теми самыми солдатами².

¹ Куприна К. А. Куприн – мой отец. М., 1971.

² Толстой А. Н. Хождение по мукам: Трилогия. Новосибирск, 1994.

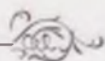
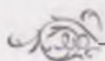
«Без единой капли крови» – только одна из неправд писателя, ставшего классиком советской литературы. В результате революционных событий страна была ввергнута в многолетнюю пучину братоубийственной бойни.

Фраза насчет «непосильного венца» также заимствована знаменитым писателем из пропагандистского арсенала красного агитпропа. Официально молебствия о здравии царствующего дома были запрещены, но молитву верующие продолжали творить, хотя это было уже смертельно опасно. Так, подвергнув репрессиям бывшего ректора Пермской духовной семинарии Знамировского, чекисты «аттестовали» его как ярого монархиста и участника Комитета спасения великого князя Михаила Александровича, как правую руку архиерея Андроника по подготовке восстания против советской власти в 1918 г. Никто не помешал, однако, расстрелять ссыльного Михаила Романова и его верного секретаря в июне того же 1918-го. Комитет по спасению существовал только в чекистских разработках. Эта чистейшей воды провокация была разработана на бумаге, что подтвердили допросы свидетелей. Материалы допросов дошли до нас благодаря следователю Николаю Соколову, но опубликована пока только часть из этих документов...

В негласном споре двух русских и даже советских классиков, Куприна и Толстого, историческая правота, как показали события XX в., на стороне первого. На стороне литератора и мыслителя, который не относился даже к среднему классу по благосостоянию, художника, который в своих произведениях дал резкие образы «мрачных времен пирамидального самодержавия». Но именно Куприн нашел для будущего России такие обнадеживающие слова (в статье от 17 мая 1917 г.): «Ведь протекли же первые, красные не от крови, а от общей радости – дни великой революции в стройном порядке, в спокойствии, единодушии и самообладании, восхитивших весь цивилизованный мир.

Нет, не осуждена на бесславное разрушение страна, которая вынесла на своих плечах более того, что отмерено судьбою всем другим народам; вынесла это непосильное бремя и все-таки под налетом рабства сохранила живучесть, упорство и доброту души».

Живучесть, упорство и доброта души – эти качества нашему народу еще очень пригодятся...

Поклон из Перми для Михаила Романова

III

ЦАРЯ ИГРАЕТ СВИТА (КРУГ ОБЩЕНИЯ. ПЕРМСКИЕ ЗНАКОМСТВА)

Если следовать известной пословице «Короля (царя) играет свита», то для нас представляет несомненный интерес окружение Михаила Александровича Романова в последний период его жизни. Когда человек в опале, когда он лишен всего, кроме своего имени, очень полезно посмотреть на то, на тех, кто остался рядом с ним и к кому благоволил пермский ссыльный, кто осмеливался ему помогать.

*Михаил Романов
накануне драматических
изменений в своей жизни*

Обаяние личности великого князя словно магическим образом действовало не только на его друзей и близких, но и на людей из другого круга, даже из вражеского ста-на. Комиссар дворца в Гатчине Владимир Гущик, поставленный присматривать за гражданином Романовым, позднее напишет совершенно неожиданный отзыв о своем арестанте: «...великий князь имел три редких достоинства: доброту, простоту и честность. Это был рыцарь с княжеским благородством, в котором человек был сильнее „князя“... Ни одна партия не питала к нему неприязни. Даже социалисты всех тонов и оттенков относились к нему с уважением»¹.

Среди тех, кто окружал Михаила Романова в пермской ссылке, люди были самые разные. Были верные слуги. Были охотники за царской головой с горящими от ненависти глазами. О таких, кто «с Лениным в башке и с наганом в руке», речь пойдет ниже, в части IV «Казнь по-большевистски».

¹ Цит. по: Кроуфорд Р. и Д. Михаил и Наталья. Жизнь и любовь. М.: Захаров, 2008. С. 497.

И были обыкновенные пермские обыватели, простые люди, те, кто относился к последнему императору не как к помазаннику Божьему, а как к человеку, попавшему в трудную житейскую ситуацию.

Но начать хочется с рассказа о человеке, который разделил участь Михаила Романова.

ВЕРНЫЙ ДЖОНСОН

Они часто гуляли по Перми и окрестностям вдвоем, один – высокий и худой (Михаил), другой – приземистый и плотный, это Николай Николаевич, верный Санчо Панса великого князя.

До недавнего времени о секретаре Михаила Романова Николае Джонсоне, добровольно отправившемся в пермскую ссылку, было известно немного. Однако появились новые документы, воспоминания, а в Петербурге отыскались даже дальние родственники человека, которого в печати повелось называть английским подданным. Все это позволяет нам уточнить некоторые обстоятельства жизни и судьбы преданного помощника и друга последнего императора России.

Своего личного секретаря Михаил Александрович вынужден был сменить в конце 1912 г., после того как прежний его помощник Анатолий Мордвинов, не посмев ни в чем противодействовать императору Николаю, занял враждебную позицию по отношению к роману великого князя с Натальей Сергеевной. Долго искать нового секретаря Михаилу

*Гражданин Романов,
вышедший из домзака, и его
верный секретарь Н. Джонсон*

не пришлось, подходящего человека он нашел в своем приятельском кругу бывших сослуживцев.

Николай Николаевич Джонсон окончил Михайловское артиллерийское училище – то же, что сам великий князь. Перед переходом на новую должность (секретарь) служил в русской армии (какой же он английский подданный?). Он был «полукровкой»: мать – англичанка, преподавательница музыки при царском дворе; об отце, к сожалению, мало что известно.

Секретарь из Джонни, как звал его великий князь, получился просто незаменимый. Николай Джонсон знал три языка, причем на английском, но воспоминаниям современников, он говорил с акцентом и похуже самого Михаила, «который вполне мог сойти за англичанина».

Некоторые черты личности секретаря, человека незаурядного, мы можем представить по воспоминаниям, письмам, фрагменты которых приведены в самом полном исследовании супругов Кроуфорд «Михаил и Наталья...». Круглолицый, среднего роста, общительный и улыбчивый, Николай Николаевич был очень музыкален, собственно, они с Михаилом так быстро сблизились благодаря любви к музыке. Известно, что великий князь в молодые годы с увлечением занимался композицией, написал неплохой вальс, арию, он хорошо играл на разных инструментах, предпочитая, однако, гитару. Джонсон часто аккомпанировал Михаилу на рояле.

Другой факт. В дневнике великого князя за 28 сентября 1916 г. находим такую запись: «Брасово. ...Ездили верхом с Татой (приемной дочерью. – В. Г.). Стрелял из нового кольта 45[-го] калибра, у которого великолепный бой, затем из парабеллума... Вечером мы все пили шоколад, которым нас угощал Джонсон по случаю (как он утверждал) дня своего крещения...»

Известный романист Дональд Кроуфорд, приезжавший в 2008 г. на пермскую презентацию своей книги, на наш вопрос о Джонсоне ответил утвердительно: «Да, он был по мироощущению русским православным человеком».

Джонсон выполнял самые щепетильные поручения великого князя, а в его отсутствие находился рядом с его супругой, стараясь поддерживать ее в трудных ситуациях. Однажды они отправились в кинематограф,

и, пока ожидали места в ложе, произошла неприятная встреча. В антракте из своей ложи вышел барон Жирар, один из недоброжелателей Наташи, который, увидев ее, фыркнул. Джонни внушительно выдвинулся вперед... В сопровождении Джонсона побывала она и на юбилейном вечере балерины Кшесинской.

Николай Николаевич умел поддержать разговор, он способен был «разгонять тоску» Натальи. Так, в 1915 г. Наташа пишет мужу (тот на фронте): «В Гатчине такая мертвечина, Джонсон справедливо говорит, что Гатчину надо переименовать в Помпеи». И это о любимом месте великого князя, ведь Гатчину Михаил мечтал разглядеть даже с Эйфелевой башни!

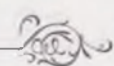
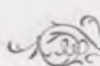
Сам Джонсон жил в Гатчине отдельно, в квартире на Багговутской улице, т. е. «приживалкой» его никак не назовешь, он сохранял самостоятельность в образе жизни. В другом письме Наташа откровенничает, не без удовольствия передавая восхищенные слова графа Капниста, которые тот сказал о ней Джонсону: «Для такой женщины можно забыть и бросить все на свете».

Судя по всему, Джонсон умел поставить себя, с ним считали возможным говорить на равных люди достаточно высокого положения в обществе.

В решающие, переломные дни Февральской революции Джонсон – рядом с Михаилом, причем в самые критические моменты. Он выполняет его поручения, теперь уже, можно сказать, исторические распоряжения. С ним же, Михаилом, – под арест, с ним – в Мариинский дворец, затем в Таврический, в Зимний... Секретарь осуществляет связь по телефону с поверенным Романова – юристом А. Матвеевым. Он – среди обедающих и на квартире князя Путятина на Миллионной улице, где в присутствии депутатов Госдумы, министров Временного правительства состоялось решающее обсуждение деталей предстоящего манифеста Михаила.

Именно Джонсон в августе 1917 г. убедил Керенского, тогда уже премьер-министра Временного правительства, разрешить Михаилу увидеться с братом Николаем перед отправкой царской семьи в Сибирь. Это последнее свидание братьев состоялось.

В дни Корниловского мятежа Михаил был подвергнут Керенским аресту, над ним нависла смертельная угроза. С ним могли расправиться

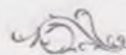

в любой момент, кроме того, на почве всех треволнений у князя началось обострение язвы. И тут невиданную энергичную деятельность развил секретарь. Он ездит в Петроград, в штаб военного округа, добывается перевода Михаила под домашний арест в квартиру его юриста Алексея Матвеева на Фонтанке. Джонсон вступил также в контакт с британским послом Бьюкененом, и именно благодаря ходатайству английского дипломата Михаил был выпущен из-под ареста. Но принять опального Романова правительство Великобритании отказалось. А 7 марта Михаил и Джонсон были арестованы в Гатчине, в доме на Николаевской улице. Дальше их путь лежал на Урал...

• • •

В Перми за две недели до трагической развязки Михаил Романов принял в своем номере корреспондента Яблоновского от центральной газеты «Свобода России». В дневнике (26 мая 1918 г.) Михаил делает характерное примечание: «Конечно, не для того, чтобы он обо мне писал в газете, а просто с ним интересно поговорить». Пишется это, скорее всего, для чужих глаз, ссыльный гражданин Романов не играет в опасные игры с властью. Но он же встречается с журналистом, как мог тот не написать о такой важной встрече! И – написал. Правда, спустя несколько лет, уже будучи в эмиграции. В Париже, в журнале «Голос минувшего на чужой стороне», в первом номере за 1926 г., появилось интервью С. В. Яблоновского с великим князем Михаилом, точнее, расшифровка беседы, потому что пермский блокнот, в который весной 1918-го журналист записал условными сокращениями разговор (длившийся почти три часа!), у него украли. Вскоре Яблоновскому пришлось уехать. Только оказавшись в безопасности, он восстановил запись по памяти.

Инициатива пермской встречи исходила от председателя местного комитета Партии народной свободы Владимира Павловича Иванова, врача Александровской губернской больницы. (Это он, Иванов, подсказал Михаилу, страдавшему в те дни приступами жестокой язвы, опытного специалиста Владимира Шишцына, чье имя встречается в романовском дневнике.) А организовал встречу с маститым журналистом Николай Джонсон. Михаил встретил Яблоновского радушно.

— Здравствуйте, — крепко пожал гостю руку великий князь, — рад поговорить со старым знакомым. Да-да, не удивляйтесь, хоть мы и не встречались ранее, но я вас читаю уж двадцать лет, наверное!

Собеседником Романов оказался интересным. Михаил Александрович не побоялся поделиться важной мыслью, выстраданной им: сейчас, в положении ссыльного, он не мог понять и принять «тупую оскорбительную покорность» в русском народе.

И еще Яблоновскому запомнилось, как свободно и непринужденно вел себя присутствовавший при беседе секретарь Михаила.

На вопрос об отречении от престола Михаил сказал:

— Теперь я все более убеждаюсь в правильности своего решения.

Представьте, Джонсон с этой мыслью не согласился! Он горячо вступил в беседу и начал убеждать своего «патрона», что, если бы в те решающие дни с ним рядом оказались другие люди, надежные и честные, все могло обернуться по-иному! Корреспондента такой поворот в разговоре очень поразил, а Михаил на реплики Джонсона реагировал спокойно и не особо противоречил.

Уже при прощании Джонсон еще раз удивил журналиста, задав ему неожиданный вопрос из разряда некорректных:

— А скажите нам, пожалуйста, каким вы нашли состояние Михаила Александровича? Вы же тоже, конечно, читали в некоторых газетах, что он якобы в плохом состоянии, нервный и прочее.

Яблоновский развенчал эти газетные домыслы, причем вполне искренне.

Это был последний контакт ссыльного гражданина Романова с внешним миром, с представителем свободного общества.¹

...Обстоятельства их похищения и убийства, факты трагической развязки скупы и противоречивы, как и показания самих палачей. Версия Жужгова отличается от версии Иванченко, а версия Иванченко во многом не сходится с Марковым и т. д.

Потрясает фраза о том, как Михаил бросился с расprostертыми руками к своему другу, прося убийц проститься с ним.

Николай Жужгов пишет (в справке для Пермского испарта): «Я стреляю, и браунинг разряжается. Михаил падает. Вслед за этим выстрелом. почти одновременно, раздается выстрел Иванченко, и Михаил, падая.

¹ Подробнее читайте в приложении на стр. 428–430.

увлекает за собой застреленного Иванченкой Джонсона. Я подошел, а они все еще шевелятся, и тут же наставил в висок браунинг и выстрелил. Иванченко делает то же самое с Джонсоном, и наступает моментальная смерть...»¹

Так описывает казнь Гавриил Мясников, мотовилихинский боевик, член ВЦИК, который и был непосредственным организатором похищения и бессудного убийства. Но Ганька (партийная кличка Мясникова) описывает событие со слов Жужгова. Письменные воспоминания самого Жужгова вносят новые подробности...

13 июня Наталья Сергеевна, находившаяся в Петрограде, получает из Перми телеграмму от полковника Знамеровского: «Наш друг и Джонни бесследно исчезли».

В книге Кроуфордов «Михаил и Наталья...» высказывается версия, что большевики, пытаясь замести следы и пустить для отвода глаз мировой общественности дезинформационный туман, расстреляли камердинера Челышева и шофера Борунова, чтобы затем выдать их трупы за Михаила и Джонсона. На самом деле расстреляны были не только эти двое слуг, но почти все люди из окружения великого князя, в том числе Знамеровский, они стали заложниками объявленной смерти, жертвами красного террора. Чудом удалось бежать из-под расстрела только Алексею Волкову, бывшему камердинеру Романовых, хотя в списках ЧК расстрелянных заложников (публиковались в газете «Известия Пермского исполкома») его фамилия также указана. Сделать эту «подставу» большевики хотели для того, чтобы прекратить слухи о спасении Михаила Романова, о том, что он возглавил антибольшевистское выступление и т. п.

Однако подбрасывать трупы пермские большевики не стали. Больше того, получив указание свыше, они свернули и свою операцию по дезинформации общественности. Для этого им пришлось пойти на неуклюжий и беспрецедентный шаг – уже в последний момент перед выходом газеты запечатывать типографской краской ложную информацию о «поимке» Романова со слугой. Объясняется все просто. В сентябре 1918 г. в Перми находился сам Яков Свердлов, он и руководил, так сказать на месте боевых действий, операцией по информационному прикрытию убийства се-

¹ Гладышев В. Зеленая папка // Страницы прошлого: Смышляевские чтения. Вып. 4. Пермь, 2003.

мы Романовых на Урале. Правительство Ленина боялось разоблачения и последующего осложнения отношений с Германией, а также с Англией.

...Серебряные часы Николая Джонсона прибрал один из убийц – Андрей Марков. Взял «на память», объяснять, что такое мародерство, убийцам было бесполезно.

Будем надеяться на появление новых документов, которые позволят исследователям снять многие вопросы...

МЫ ДОЛЖНЫ ПРЕДСТАВЛЯТЬ, КОГО ИЩЕМ

В 2009 г. поиск места захоронения Михаила Романова и Николая Джонсона вступил в активную фазу. Во-первых, благодаря тому, что к работе подключились поисковики и добровольцы из соседнего Екатеринбурга. Во-вторых, удалось углубить историческое исследование, пополнить данные о событиях 1918 г. на Урале и о личностях названных людей. Если мы ищем их следы в истории, то мы должны четко представлять, кого ищем. Недавно появились новые сведения не только о великом князе Михаиле, но и о Николае Джонсоне, о котором мы вообще мало что знали.

Сначала удалось наладить контакт с его потомками, дальними родственниками. В Пермь из Петербурга приехали сестры Гришины – Елизавета и Людмила Константиновны. Приезжали они специально для того, чтобы посмотреть на места, связанные с их родственником, пройти романовскими маршрутами, отдать дань памяти.

Судьба сыграла с потомками Крутиковых, породнившихся с Джонсонами, злую шутку. Борис Крутиков, выбравший профессию инженера, подвергся репрессиям, его выслали в Пермь (тогда Молотов) – туда же, где двадцатью годами ранее оказался не по своей воле Николай Джонсон. Борис строил в городе на Каме мосты, гидросооружения, после смерти Сталина уехал в родной Петербург-Ленинград. В том же поселке КамГЭС жили во время эвакуации и сестры Гришины (тогда Козловы). Здесь их вырастила-выходила бабушка Анна Александровна Крутикова, которая в замужестве стала... Романовой. А сестры, выучившись и получив профессию в Перми, позже все-таки уехали в Ленинград и уже там вышли замуж за братьев (не своих) Гришиных.

Семья Джонсонов Крутиковых. Кока сидит в первом ряду

С помощью Интернета удалось наладить контакт еще с одним потомком этой семьи – это жительница Петербурга Наталья Борисовна Крутикова. Прадед ее приходился Николаю Джонсону кузеном, двоюродным братом. Наталью Борисовну интересует ход поисковых работ, она предлагает помощь в проведении экспертизы (когда возникнет такая необходимость).

Потомки ждут, надеются, что место, где покоятся Михаил и Джонсон, будет обнаружено.

Я поинтересовался у сестер Гришиных, как они сегодня расценивают поступок Джонсона, нужно ли ему было ехать с Михаилом в ссылку – на верную гибель. Ответ был кратким и единодушным: «Мы считаем, что он поступил правильно, т. к. был его секретарем и имел определенные обязательства перед Михаилом».

Среди фотографий, которые они передали нам, есть снимок 1890 г., на котором запечатлены представители двух породнившихся семейств –

Крутиковых и Джонсонов. Глава семьи Александр Крутиков служил инспектором народных училищ, его жена Елизавета – урожденная Джонсон. Мальчик в матроске, сидящий в первом ряду, – это и есть Кока. Николай Джонсон, ему здесь немногим больше 10 лет. Его мать А. Джонсон стоит справа от А. Крутикова, она в самом центре снимка, а девушка в темном платье в профиль – Лида Крутикова.

В книге «Михаил и Наталья...» супругов Кроуфорд говорится, что мать Николая одно время преподавала музыку при дворе; овдовев, она поехала вместе с сыном в зарубежную поездку, сопровождая Михаила Александровича, а когда началась война, решила остаться в Англии, в поместье Небворт, арендованном Михаилом.

Дальше семейную летопись можно выразить печальной строкой русской песни: «Напрасно старушка ждет сына домой...»

ПРОЩАЛЬНЫЕ БЕНЕФИСЫ

Посмотрим теперь на последние полосы пермских газет 1918 г.. «приромановского» периода. Здесь, как правило под рубрикой «Местная жизнь», мы находим крупницы сведений о людях, которые наполняли досуг и скрашивали жизнь пермского ссыльного.

Великий князь был музыкально одаренным человеком и завзятым театралом. Он хорошо играл на гитаре, сочинил несколько пьес. (Мелодия его чудесного вальса звучит в фильме Глеба Панфилова «Романовы».) В пермской ссылке Михаил Александрович часто музицировал, вечерами ходил в загородный сад, где играл струнный оркестр, и в театр, где всегда занимал левую нижнюю ложу. И конечно, предавался приятным воспоминаниям... В самом деле, как было не вспомнить Михаилу Александровичу, к примеру, блистательного Сержа Дягилева, этого «самородка-пермяка», если ряд концертов весной 1918-го он слушал в бывшем родовом дягилевском доме на углу Сибирской и Большой Ямской?..

ПОКЛОННИКИ ДЯГИЛЕВСКОЙ АНТРЕПРИЗЫ

Мало кто знает, что Михаил Романов был горячим поклонником русского балета, дягилевской антрепризы. Но здесь нужно сделать небольшой экскурс в историю.

О том, что балет при русском императорском дворе всегда любили, повествует немало исторических документов, произведений искусства и мемуаристов. Довольно много написано в последнее время также о том, как на рубеже веков представители августейшего семейства увлекались не только и не столько балетом, сколько прелестными танцовщицами. Об этом можно прочитать, в частности, в воспоминаниях известной балерины Матильды Кшесинской и т. д.

Взаимоотношения августейшей фамилии и единомышленников Сергея Дягилева отличаются крайней противоречивостью, интенсивностью и... переменчивостью. Широко известен и многократно описан конфликт,

вызванный попыткой Сергея Дягилева занять пост директора Императорских театров. Это желание не было голым карьеризмом. Заняв ключевой пост, молодой энергичный деятель желал бороться за новые высоты для русского искусства, справедливо считая, что, обладая властью, он может более эффективно провести реформы. На этой почве возник конфликт с действующим директором Императорских театров С. М. Волконским.

Свою атаку на сановников и высочайший двор чиновник особых поручений С. П. Дягилев начал с того, что взялся за ежегодник Императорских театров, существовавший до его назначения ни шатко ни валко уже лет десять. Журнал за 1899–1900 гг. под редакцией С. П. Дягилева отличался от предыдущих, вполне казенных и серых номеров. Это был новый, оригинальный, по-настоящему живой

С. П. Дягилев. 1916 г.

ежегодник. И немудрено: в подготовку этого издания Дягилев впряг всю свою талантливую команду, начиная с Серова, Бенуа, Бакста и кончая придворным фотографом Фишером.

Понравился роскошный экземпляр и самому императору. Если добавить, что к тому времени Сергей Павлович успел близко сойтись с великим князем Сергеем Михайловичем, а также то, что к нему благоволила «сама» Матильда Кшесинская, можно понять ту самоуверенность Дягилева, с какой он вел себя в обществе. И – заплатил за такую переоценку своих возможностей.

Многое зависело, конечно, от самого императора Николая Александровича. И здесь нужно сказать, что общение и столкновение с венценосным театралом нанесло будущему импресарио серьезную душевную травму и в то же время закалило его. Стоит только вспомнить почти крылатую фразу Николая II: «На месте Дягилева я бы в отставку не подавал». А спустя три дня выходит «Правительственный вестник» с убийственно лаконичным сообщением: «Чиновник особых поручений С. П. Дягилев увольняется без прошения и пенсии по третьему пункту».

«По третьему пункту» – это почти волчий билет без права вновь поступать на госслужбу. Не помогли ни заступничество великого князя, ни влиятельные друзья. Вот что такое дворцовые интриги и вот чем обернулась опрометчивая самонадеянность недавнего провинциала! (Впрочем, спустя короткое время Дягилев будет принят на службу.)

Александр Бенуа, подробно описавший эти «бои при царском дворе», склонен больше обвинять своего друга, которому, как он выразился, «оказалось не по силам вынести успех» (с изданием ежегодника). «Дягилев был совершенно по-ребячески тщеславен и честолюбив... он потерял всякое правильное осознание своего положения», – считает А. Н. Бенуа¹.

В становлении и мужании будущего организатора Русских сезонов важное место занимают контакты, общение с другим Романовым – великим князем Николаем Михайловичем (1859–1919). Он был историком, одним из самых просвещенных и талантливых представителей августейших лиц. Николай Михайлович – автор таких трудов, как «Император Александр I», «Русские портреты»; по его инициативе и при содействии вышли в свет справочники по некрополистике, в том числе «Русский провинциальный

¹ Бенуа А. Н. Мои воспоминания: В 5 кн. М.: Наука. 1993

некрополь» и т. н. В упомянутых выше мемуарах А. Н. Бенуа он назван «самым культурным и самым умным из всей царской фамилии». Именно Николай Михайлович способствовал тому, что дягилевская выставка русского исторического портрета проходила под высочайшим покровительством императора. А это – половина успеха. И в то же время великий князь не смог поладить с С. П. Дягилевым. По мнению А. Н. Бенуа, «Николай Михайлович стал тяготиться безудержной решимостью Сергея, и еще более его стал пугать размах всего, что касалось финансовой стороны дела...». Два таких «неудобных» характера, как Дягилев и великий князь, все чаще сталкивались, это искрение чуть не дошло до очередной отставки Дягилева. На этот раз все обошлось.

Стоит подчеркнуть при этом поистине выдающуюся и не оцененную по заслугам роль замечательного художника Валентина Серова. Не только в смягчении возникавших трений и добывании денег для дела своего более молодого друга Сережи Дягилева. Как известно, в момент острого финансового кризиса журнала «Мир искусства» деньги «нашлись» по протекции Серова, работавшего тогда над портретом императора (позднее царский портрет «в тужурке» был исколот штыками революционных матросов).

Существенным было также влияние В. Серова на формирование личности Дягилева. Валентин Александрович мог позволить себе добродушно посмеиваться над такими чертами своего нового приятеля, как нахальство и «премьерство». Так, на одном из серовских шаржей изображена группа мирискусников. Дягилев представлен в виде одряхлевшего и обрюзгшего сановника – «директора Императорских театров», который принимает доклад от своего «чиновника особых поручений» Валентина Нувеля. Бенуа изображен автором шаржа орангутангом, бросающим с пальмы орехи на прохожих. Шарж демонстрировался на выставке в редакционной комнате.

В то же время Валентин Серов создал такие замечательные произведения, как портрет С. П. Дягилева («в красном халате», 1904) и картину, посвященную коронации Николая II, проходившей в Успенском соборе в 1896 г. («Торжество миропомазания...», 1897). Последняя картина была извлечена из музейных запасников только недавно, для нас она интересна еще и тем, что благодаря Серову впервые появился живописный образ другого великого князя, с которым свела судьба Дягилева (подробнее об этой работе см. в части I). Речь идет о Михаиле Александровиче Рома-

нове. В пору коронации Николая он считался наследником престола (до появления на свет цесаревича Алексея), и обращались к нему «Ваше Императорское Высочество».

К 1914 г. русский балет покориł Париж, Берлин, Рим, Вену и Будапешт, а также Лондон. Дягилевской антрепризой увлеклись великий князь Михаил Романов и его жена Наталья Сергеевна. Интерес их к Русским сезонам был тем более понятен, что в те годы Михаил Романов и его супруга, как мы уже рассказывали выше, находились в положении настоятельных невозвращенцев: они были в опале у русского императора.

Если судить по книге «Михаил и Наталья. Жизнь и любовь», Михаил с супругой старались не пропускать ни одного спектакля труппы Дягилева, смотрели их по всей Европе¹. В 1912 г. Михаил и Наташа посещали балет в исполнении прекрасной труппы Дягилева в Париже и Монте-Карло. К тому времени эхо успеха русского искусства разнеслось далеко. Парижская онера представила балет Римского-Корсакова «Шехерезада», постановку великого хореографа Михаила Фокина. Фокин также ставил танцы для «Жар-птицы» на музыку Стравинского. Париж не видел ничего подобного. В Монте-Карло состоялась премьера балета «Призрак розы» с Тамарой Карсавиной. В этом же году Карсавина блистала в «Петрушке», премьера которого прошла в Париже².

Судя по всему, наибольшее впечатление на нашу чету в тот момент произвела Тамара Карсавина, а вот о другом дягилевском «сюрпризе» – Вацлаве Нижинском – приведем воспоминание С. Л. Григорьева, многолетнего помощника Сергея Дягилева.

«Наибольший успех, – пишет он, – вызвал балет «Призрак розы» на музыку Вебера по стихотворению Теофиля Готье. После того как Нижинский невероятным прыжком улетал в окно, овация была столь оглушительной, что оркестру не удавалось закончить музыку»³.

¹ Кроуфорд Р. и Д. Михаил и Наталья. Жизнь и любовь. М.: Захаров, 2008.

² Григорьев С. Л. Балет Дягилева. М., 1993.

³ Создана программа увековечивания памяти русских артистов Т. Карсавиной и В. Нижинского. В 2009 г. на кладбище Монмартра в Париже был открыт первый памятник В. Нижинскому (скульптор – О. Абазиев). Автор проекта – один из организаторов фонда «Дом Дягилева» И. Махаев, а прошлом – артист пермского балета. Акт.

*Памятник В. Нижинскому
«Плачущий Петрушка»*

Появление русского балета в лондонском Ковент-Гардене в 1911 г. произвело такой же фурор, как и в Париже. «На следующий год, — пишут Р. и Д. Кроуфорд, — Дягилев вместе со своим избранником сердца Нижинским вернулись в Санкт-Петербург. Нижинский танцевал в труппе Императорского Мариинского театра до тех пор, пока не оскорбил вдовствующую императрицу (Марию Федоровну), появившись на сцене в чересчур облегающем трико. По рассказам очевидцев, осуждение подобной выходки привело к увольнению танцора...»

О том, какой остроты достигала борьба поклонников новой эстетики и приверженцев устоявшегося, классического, консервативного отношения к пластическому искусству, можно также прочитать в одном из

исследований автора данной книги, в котором те же проблемы рассматриваются через призму шаржа¹.

Строгость нравов, скромность и воздержанность образа жизни и в определенной степени даже пуританские взгляды на искусство Марии Федоровны, матери Михаила Александровича, были всем известны. Нелишним подтверждением сказанному является документ, обнаруженный мною в недрах пермского архива. В 1915 г. вдовствующая императрица должна была проехать через Пермь. В октябре того же года Святейший синод в денеше под грифом «Доверительно. Срочно» передает епископу Пермскому и Соликамскому Андронику волю государыни императрицы: «...чтобы при предстоящей поездке по России в пути следования как

¹ Гладышев В. Секрет противоядия. Дягилев в шаржах. Пермь, 2005.

туда, так и обратно не было произведено официальных встреч»¹.

В том же пермском архиве хранится любопытная переписка, характеризующая нравы того времени, а также степень влияния реформаторства в сфере искусств, к чему немало усилий прилагал С. П. Дягилев. В октябре 1915 г. епископ Пермский и Соликамский Андроник обратился к пермскому губернатору с письмом,

*Дружили семьями.
Композитор С. Рахманинов и Михаил
в Брасово*

в котором выразил обеспокоенность со стороны своей паствы тем, что в театрах показывают вещи, не отличающиеся воздержанностью. Конкретным поводом для обеспокоенности стала постановка в пермском театре оперы «Таис». Губернатор – тогда им был Михаил Лозина-Лозинский – вполне озаботился тем, чтобы «представление не было сопряжено с кощунством и соблазном». В своем ответном письме он доложил епископу, что полицмейстером приняты надлежащие меры. Соответствующая беседа была проведена и с антрепренером Палиевым, коллегой Дягилева.

«...Все сокращения в этой опере, предуказанные в этой опере предместником Вашим Палладием, будут соблюдены и ныне. – обещал губернатор. – Не ограничиваясь этим, я лично внушил распорядителю оперы Палиеву, чтобы отнюдь не было допущено грима артистов, напоминающего священные для христиан лики Спасителя, апостолов и их сподвижников, а равно не были употреблены монашеские одежды».

В то же время господин губернатор посчитал своим долгом обратить внимание епископа на влияние столичных театров, все соблазны начинаются там, ибо «...все поползновения к сему со стороны распорядителей

¹ ГАПК. Ф. 664, оп. 1, д. 9, с. 235.

провинциальных театров обычно оправдываются ими ссылкой на пример императорских театров. Петроградского и Московского». М. Лозина-Лозинский предлагает «для успешности борьбы» начать ее с тех театров, которые дают пример другим, тем более что заведование ими принадлежит не частным лицам, а правительственной власти (в ведомстве Министерства императорского двора)¹.

Летом 1914 г. русский балет приехал в Лондон, где жили в то время «счастливые изгнанники» Михаил и Наталья. Наталья пригласила танцоров на ужин. Вместе со звездами балета были приглашены звезды русской оперы, гастролировавшие в рамках Русских сезонов. Был среди приглашенных и Федор Шаляпин на правах старого друга Наташи: они поддерживали знакомство еще с петербургских времен.

Другим гостем великого князя был известный русский художник С. Ю. Судейкин, который «расплатился за ужин», вылепив бюсты Михаила, его сына Георгия и дочери Таты. Наталья (Тата) потом вспоминала, насколько мучительным занятием было позирование для скульптора... Сергей Юрьевич Судейкин (1883–1946) известен прежде всего как живописец, театральный художник, он был членом художественных объединений «Голубая роза». Московского товарищества художников. С. Ю. Судейкин – участник почти 20 дягилевских выставок (с 1910 по 1921 г.). В 1912 г. он писал: «...работаю у Дягилева в Париже». Если верить мемуаристке, то художник занимался и ваянием. Где теперь выполненные им бюсты, неизвестно.

В Перми скульптурное изображение Михаила Романова появится на мемориальной доске (скульптор – А. Уральский), установленной у входа в бывшую гостиницу «Королевская» на Сибирской улице. Произойдет это только в 1998 г.

• • •

Из дневника: «Борегар заходила к нам в нижнюю ложу».

Кто эта г-жа Борегар, в исполнении которой Михаил посмотрел в пермском театре даже два спектакля – последние в своей жизни?

¹ ГАПК. Ф. 644. оп. 1, д. 9, с. 233.

В субботу, 11 мая, – «Мечта любви», а 22 мая – прощальный бенефис, для которого артистка выбрала «Нору» Ибсена.

Судя по репертуару, это была не «актерка», как уничижительно называли иногда в ту пору представительниц лицедейского цеха, а серьезная профессиональная актриса. Драматургия Генрика Ибсена не каждому по зубам. С другой, думаю, бывший великий князь и не стал бы близко знакомиться.

Сведения об этой женщине, одной из последних видевших Михаила Романова, удалось обнаружить в театральном музее, существующем при Пермском институте искусства и культуры. Галина Павловна Ивинских, заведующая музеем, показала несколько пожелтевших газетных вырезок.

Лиана Петровна Борегар – так звали актрису – приобрела известность в дореволюционные годы. Выступала во многих городах обширной империи в основном с классическим репертуаром. Что интересно, ей удавалось выступать со сцены при всех властях.

Во время триумфальной встречи адмирала Колчака (тогда Верховного правителя России) состоялся музыкальный вечер, устроенный женой командира 1-го Среднесибирского корпуса Ниной Ивановной Пепеляевой. Именно пепеляевцы и устроили красным войскам «пермскую катастрофу» в декабре 1918-го. Концерт прошел в Благородном собрании 28 февраля 1919 г., в нем приняла участие и наша знакомая – г-жа Борегар. Судя по всему, ее выступление было гвоздем вечера, ее номер – мо-

*Бенефис Лианы Борегар
Михаилу понравился*

нолог Мансфельда «Сон» – был сверх программы. Газета «Свободная Пермь» (5 марта 1919 г.) сообщила, что номер этот «был куплен публикой за 2 600 р. путем американского аукциона».

Через газеты объявлялось, что 75 процентов сбора с вечера поступит на устройство госпиталя для раненых и больных воинов, а 25 процентов – на приобретение книг для библиотеки Александровской гимназии (ныне Дягилевской гимназии). Пожертвования бельем и другими вещами, необходимыми для госпиталя, принимались на квартире г-жи Пепеляевой (квартировал генерал с семьей в помещении Волжско-Камского банка на Покровской улице). Лазарет так и называли, между прочим, – имени Пепеляевых.

Явный компромат: артистка помогала врагу, обслуживала белогвардейцев! За подобную отзывчивость люди лишались жизни, попадали в застенки. Начальница мужской гимназии Оттилия Циммерман умерла в тюремной больнице. Но для Борегар, как ни странно, все сходило с рук.

Во всяком случае, уже при большевиках, 28 февраля 1924 г., Лина Борегар давала в Перми прощальный бенефис по пьесе «Заза» в переводе Латернера, режиссер антрепризы – Ю. В. Юренев.

После этого следы артистки теряются в неизвестности.

* * *

Редко, но все же в дневниковых записях Михаила Александровича на тему культуры (не политики!) проскальзывают оценочные моменты. Это происходило почему-то, когда ссыльный посещал театр вместе со своей супругой Натальей Сергеевной, присъезжавшей в Пермь на две пасхальные недели 1918 г. (уехала она 5 (18) мая).

Конечно, в Перми им вспоминались другие театральные впечатления, яркие и незабываемые... Спектакли труппы Дягилева. Звезды русской оперы, гастролировавшие в рамках Русских сезонов. И конечно, самый знаменитый и любимый Федор Шаляпин...

В пермском дневнике 1 (14) мая Михаил Александрович отмечает, что в театр ходили вместе с Наташей и Джонсоном, «давал концерт Шебуев, участвовали и другие артисты». На следующий день они снова отправи-

лись в театр, где шел концерт артистов Мариинского театра. И всё, ни репертуара, ни имен.

По газете «Известия Пермского губернского исполнительного комитета» удалось установить, что в это время в городском театре выступали исполнители еврейской народной музыки из Петроградского камерного ансамбля и Государственного Мариинского театра. Приводились и имена артистов-лауреатов Петроградской и Московской консерватории: С. Бейлинзон, К. Молдаван, И. Чернявский, Л. Бердичевский.

Не все из увиденного супругам нравится с их-то изысканным и воспитанным вкусом, но время проводить как-то надо. В воскресенье, 6 мая, они посмотрели в театре пьесы «Мой Беби» и «Красивая женщина». Михаил Александрович не нашел для них другого определения, кроме этого: «Страшный балаган».

ПРОСТО ХОТЕЛОСЬ ЖИТЬ

Более терпимо отнесся Романов к постановке «Бездны»: «...кроме Казаковского и Полякова, играли плохо... затем смотрели акт „Веселой вдовы“ под аккомпанемент пианино, но, несмотря на мизерную обстановку, было приятно слушать музыку, тем более что двое главных играли хорошо».

Один из «главных», артист Николай Сергеевич Поляков 27 лет, уже на следующий день после инцидента в «Королевских номерах» будет давать показания большевистскому следствию о том, что он может сказать о «похищении» великого князя. Это был очень важный свидетель! Артист не только видел похитителей в лицо, хорошо запомнил их приметы, но и разговаривал с ними. Проживал он в «Королевских номерах», в соседнем с Романовым № 19. Когда поздним вечером 12 июня, около полуночи, раздался стук в дверь, Поляков выглянул из своего номера и увидел в швейцарской незнакомое человека в солдатской шинели, на правом рукаве которой он разглядел нашивку о ранении. Из № 12 вышел Джонсон. После заявления Джонсона, что Романов болен и четвертый день в постели, солдат ответил, что это его не касается. Предъявив какой-то мандат, он потребовал, чтобы Романов немедленно следовал за ним, и пригрозил, что иначе прибегнет к вооруженной силе.

«Дальнейшего разговора я не слышал, – показывает артист, – так как спустился вниз. Весь разговор был в очень грубой форме и на меня как на артиста произвел впечатление наигранного...»¹

Вот этот момент, насчет наигранности, был очень важен для следователя. Ему нужно было состряпать «дело о побеге», а для этого найти подтверждение тому, что «Мишку Романова» похитили заговорщики-монархисты, офицеры. На самом деле участники бессудной расправы и руководители города – одни и те же лица. С их ведома был изготовлен поддельный мандат, которому повиновался Романов.

Какая уж там «наигранность», вот-вот прольется кровь!.. Артист Поляков подыграл следствию. Николай Сергеевич мог легко опознать и самих ночных визитеров, среди которых был даже начальник городской милиции. Общее руководство операцией осуществлял другой известный в Перми человек – член ВЦИК Гавриил Мясников, выступавший в том самом гортеатре (на собраниях) едва ли не чаще, чем сам Поляков (судя по «Известиям» того периода). С ним Поляков столкнулся в ту роковую ночь у входа в гостиницу.

Но Николаю Сергеевичу хотелось жить. Не жить в искусстве, а просто жить...

...Интерес к новой жизни у Михаила Александровича, несомненно, был. 19 мая он отправился в театр, но представление отменили, т. к. собралось очень мало зрителей. Вернувшись домой, он записал: «Очень досадно, потому что должны были играть рабочие и было бы интересно их послушать».

Да, не зря писатель Александр Куприн называл Михаила Романова демократом! Мы можем представить, какого зрелища лишили его в тот вечер, прочитав в «Известиях» развернутую рецензию на спектакли Народного театра рабочих организаций. Весной 1918-го «вечера художественной драмы, музыки, пения и декламации» устраивались профсоюзом рабочих печатного дела г. Перми. В программу включали и столичные артистические силы, благодаря чему «художественное впечатление получалось яркое и сильное».

Основной площадкой для талантов из народа была выбрана Александровская женская гимназия (ныне в этом здании Дягилевская гимназия). Рецензент пермских «Известий» писал: «...постепенно, шаг за шагом ис-

¹ РГАСПИ. Ф. 588, оп. 3, д. 17. Публикуется впервые. Авт.

куство во всех его видах и формах, перестав быть исключительно достоянием буржуазии, стало приближаться к широким народным трудящимся массам, оказывая свое облагораживающее влияние на народную душу. Искусство демократизируется, искусство становится таким же хлебом для рабочего класса, как и пища материальная...»

Публика оставалась недовольной, по ехидному замечанию критика, лишь буфетом, торговавшим «но ценам совсем недемократическим».

Вдохновленные успехом организаторы рабочей самодеятельности ради эксперимента хотели выступить и с главной сцены гортеатра. И если бы все же публика собралась, Михаила Александровича «угостили» бы: на первое – музыкальной картиной «Смерть девушки», на второе – водевилем «Гримаса жизни», на третье – дивертисментом из опер «Пиковая дама» и «Смерть трубадура».

Был в репертуаре коллектива и драматический этюд «А завтра казнь». Название последней вещи оказалось пророческим для ссыльного...

ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕДОРОВНЫ

На родине С. П. Дягилева побывала и другая представительница августейшей фамилии – великая княгиня Елизавета Федоровна Романова, сестра императрицы Александры Федоровны. В июле 1914 г., перед самым началом Первой мировой войны, Елизавета Федоровна совершила духовное паломничество в пермские православные храмы и Белогорский Свято-Николаевский монастырь, называемый Уральским Афоном. В 1918 г. эта поистине необыкновенная женщина, красивая и обликом, и духом, окажется на пермской земле во второй раз, уже в роли пленницы богоборческой власти, чтобы принять мученический конец в алапаевской шахте.

Благодарные слова о Елизавете Федоровне – в будущем о святой великомученице Елисавете, она канонизирована православной церковью – уже в начале XX в. передавали из уст в уста и представители русской интеллигенции. Так получилось по жизни, что замечательного русского живописца М. В. Нестерова с Пермью связывает не только Успенский женский монастырь, для которого живописец исполнил потрясающей силы «Распятие» (хранится в фондах Пермской галереи), но и имя Елизаветы Федоровны. Замечательный живописец расписывал по ее просьбе Покровский

*Августейшая паломница
Елизавета Федоровна Романова.
Худ. Т. Котегова*

храм Марфо-Мариинской обители (композиции «Путь ко Христу», «Христос у Марфы и Марин», начало 1910-х гг.). Менее известное подтверждение творческих контактов художника с великой княгиней мы находим в его переписке с А. А. Турыгиным. В письме от 2 ноября 1911 г. Михаил Васильевич сообщает: «...недавно получил горячее воззвание из Москвы, там образовывается новое общество (состав – дягилевский с дополнением нескольких молодых имен передвижных). Выставка откроется на Рож-

дестве, в Строгановском училище, под покровительством великой княгини Елизаветы Федоровны...»

Речь идет о создании объединения «36», по числу участников выставки, непосредственного предшественника Союза русских художников. Михаил Нестеров показал на той выставке эскизы образов для церкви «Св. Петр», «Св. Наталья». В том же настроении, в котором он их создавал, были написаны и работы для Перми...

Таким образом, тема взаимоотношений августейшей фамилии и индустриальщиков Сергея Дягилева позволяет нам глубже понять, что такое, к примеру, богема или элита общества. Тема заставляет задуматься не только над вечным противоборством человеческих характеров и индивидуальностей, но и над механизмом таких явлений, как благородство и зависть, целеустремленность и творческое сибаритство. Погружаясь в исследование движущих сил общественных и межличностных конфликтов, мы получаем возможность представить в деталях время, которое называем рубежом.

...В самую трудную пору своей жизни, какую переживали весной 1918-го сосланные на Урал члены семьи Романовых, они получили неочи-

данную моральную поддержку от великой княгини Елизаветы Федоровны. Она уже сама находилась в Перми в положении подневольной, но сумела передать своим близким небольшие пасхальные подарки. Бывший император в Екатеринбурге отметит это событие в дневнике 3 (16) мая: «Днем получил от Эллы из Перми кофе, пасхальные яйца и шоколад».

Посылочку от этой необыкновенной женщины получит и «узник Перми» Михаил Александрович. Братья Романовы, разделенные многими километрами и суровыми охранниками, в последний раз в жизни явственно ощутили человеческое участие, духовное покровительство святой женщины...

Сохранилась ответная открытка-поздравление княжны Марии Елизаветы Федоровны (была послана из Ипатьевского дома, но не дошла до адресата).

«Екатеринбург, 4 (17) мая 1918 г.

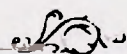
Воистину воскрес!

Трижды тебя дорожю целую. Спасибо большое за яйца, шоколад и кофе. Мама с удовольствием выпила первую чашку с кофе, очень вкусный. Ей это очень хорошо от головных болей, у нас как раз не было взято с собой. Узнали из газет, что тебя выслали из твоей обители, очень грустим за тебя. Странно, что мы оказались в одной губернии с тобой и моим крестным. Надеемся, что ты можешь провести лето где-нибудь за городом, в Верхотурье или в каком-нибудь монастыре. Очень грустили бы без церкви. Мой адрес: Екатеринбург. Областной исполнительный комитет, председателю для передачи мне. Храни тебя Бог. Любящая тебя крестница»¹.

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 41, оп. 2, д. 427, л. 37. Цит. по: Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. Екатеринбург: М., 2003.

*В 2009 г. мощи св. Елизаветы
побывали в пермских храмах*

«ЛЕШАЯ СУДЬБА РОССИИ» (РАСПУТИН)

Отношение к фигуре Распутина в придворном, великосветском обществе того времени – это своего рода индикатор подлинных человеческих ценностей, истинной веры в царя-батюшку и, бери выше, в саму Русь. Михаил Александрович также оказался втянут в хитросплетение вокруг «святого старца».

По воспоминаниям приближенных к царскому двору, великий князь понимал, как трудно приходится его венценосному брату. После того как между ними возобновились нормальные, братские отношения, Михаил стал заговаривать о необходимости политических реформ, а также о том нежелательном резонансе в народе, которое имеет приближение ко двору Распутина. По свидетельству Дмитрия Абрикосова (друга семьи великого князя), во время одной беседы Михаил недвусмысленно сказал Николаю, что, если он «не приструнит Александру Федоровну и не избавится от „старца“, ничего хорошего не ожидает»¹.

У Михаила даже сложилось впечатление, что «Николай безразличен к своей судьбе, оставляя все в руках Божьих, но, под влиянием Распутина, Бог приобрел странную форму»².

«Бог приобрел странную форму...» Говорились эти слова с выражением полного отчаяния на лице. Естественно, такая позиция стала известна царице, и бесследно для Михаила и его супруги это не прошло...

Влияние Распутина ощущалось в те годы не только в столице, но и в пермской глубинке. События, произошедшие на Урале, позволяют нам взглянуть на феномен Распутина с новой, неожиданной стороны...

Для многих это – фигура однозная, но при всем при этом неординарная. Как показывают многочисленные свидетели, Распутин пользовался гипнозом, обладал пророческим даром и лечил цесаревича, больного гемофилией. С этой целью он приезжал в 1914 г. и в Пермь, к местному изобретателю чудодейственной электролитной воды.

¹ Цит. по: Кроуфорд Р. и Д. Михаил и Наталья. Жизнь и любовь. М.: Захаров, 2008.

² Там же.

И мало кто знал, что свой первый духовный опыт Григорий Новых (в будущем Распутин) обретал здесь, в монастырях Пермской губернии. Было это еще в начале века. А перед Первой мировой войной Григорий вновь зачастил в Верхотурский монастырь. Жил там в скиту инок Макарий. Как вспоминает пермский губернатор тех лет И. Ф. Кошко, схимник тот производил впечатление слабоумного, но, должно быть, очень по природе ласкового и доброго человека. Речь его была каким-то набором слов без смысла, в котором его поклонники находили что-то вещее. При этом отсутствие малейшей тени аффектации и кривлянья: «Какое-то милое неосмысленное дитя». Любил он очень кур, развел их у себя на заимке целый птичий двор и с птицей разговаривал, причем она, казалось, понимала его речь. Поклонники схимника видели и в этом доказательство его праведности¹.

Так вот, Распутин, по воспоминаниям губернатора Кошко (которому все о Распутине доносили), просто «вцепился в этого схимника и стал его эксплуатировать в каких-то своих темных целях». Он возил его даже однажды в Петроград, во дворец к царице. Епископ Екатеринбургский и Ирбитский Митрофан относился к Распутину отрицательно, и он приказал архимандриту монастыря «прекратить ухаживание» за Распутиным. Приказание было исполнено. В отличие от Митрофана епископ Пермский Палладий выезжал на вокзал для встречи «старца».

Если вспомнить о великой княгине Елизавете Федоровне, относившейся к Распутину тоже критически, то она всегда советовала близким «избегать всякого шума в связи с этим человеком», чтобы не давать лишнего повода осуждать царские особы.

•ЧТО ЖЕ ТАКОЕ БЫЛ ГРИГОРИЙ???

Пермский летописец В. Н. Трапезников в 1915 г. сделал такую запись: «Председатель казенной палаты Н. А. Ордовский-Танаевский, ярый черносотенец, всегда встречал и угощал проезжавшего через Пермь Григория Распутина, царского старца. За это Распутин обещал Танаевскому

¹ Кошко И. Ф. *Воспоминания губернатора*. Екатеринбург, 2007. С. 122–123.

добиться повышения его по службе и действительно добился, известив его об этом безграмотной телеграммой: *«Я доспел тебя в тобольские вице-губернаторы»*.

Летописец ехидно замечает, что Распутин взял Танаевского «к себе», т. к. сам жил в селе Покровском Тобольской губернии. Но кто кого «доспел», тут дело темное...

Летом 1913 г., отправляясь в отпуск по европейским городам, управляющий Пермской казенной палатой Николай Ордовский-Танаевский даже не предполагал, что полноценного отдыха у него не получится. Уже по дороге, в Берлине, в русском посольстве ему передадут пакет из одного серьезного петербургского ведомства. В пакете содержалась просьба выполнить два конфиденциальных поручения.

Пермскому чиновнику предлагалось проехать вдоль границы Германия – Россия, хотя бы частично, и затем высказать в Петербурге свое мнение, как бывшего военного, готовится ли Германия к войне. Другое поручение носило также конфиденциальный характер, хотя касалось уже русского подданного: по возвращении из Европы проехать в Тобольск, побеседовать со своими бывшими сослуживцами, родственниками (там Ордовский-Танаевский служил около пяти лет) с целью «обследовать вопрос о Григории Распутине и его отношении к женским монастырям в самом Тобольске и Екатеринбурге». И Ордовский-Танаевский, по тогдашней бюрократической иерархии – третье лицо губернии (после губернатора и вице-губернатора), не смел отказаться от такой вежливо высказанной просьбы. Он выполнил это практически агентурное задание.

По первому вопросу суть его доклада свелась к следующему выводу: да, Германия готовится, и при этом – к быстронаступательной войне. По поводу Распутина управляющий палатой также составит свое мнение, не очень-то лицеприятное для «святого старца», чье влияние в царском дворе все возрастало, настолько, что о простом мужике из Сибири начали писать зарубежные издания. Мнение свое Ордовский-Танаевский выскажет в осторожных тонах. Тогда он даже не мог и подозревать, насколько тесно «срастется» его имя с фамилией всесильного «старца». Судьба еще не раз столкнет их друг с другом. Анализируя ту ситуацию межвременья, историки частенько будут связывать двух исторических деятелей. Считалось, что не кто иной, как Распутин, поспособствует тому, что Ордовский-

Танасевский станет в 1915 г. начальником его родной Тобольской губернии. Но почему-то от этой протекции, однако, высокопоставленный чиновник станет отрешиваться всю жизнь, как черт от ладана. Старательно опровергает он свое близкое знакомство с Распутиным и в «Воспоминаниях». Распутин будет убит в 1916 г. Ордовский-Танаевский умрет в эмиграции в 1950 г., пребывая в монашеском сане. Перипетии этой странной судьбы, совсем не типичной для царского чиновника, изложены в мемуарах, увидевших свет уже после его кончины¹.

Был любопытный случай, произошедший во время аудиенции при царском дворе. Ордовский тогда еще служил в Перми. Императрица сказала: «...государь подумает, куда вас взять. Мы окружены лжецами, изменниками, думающими лишь о себе и о собственных выгодах. Вы – счастливое исключение, нам известно, что в 1912 и в 1915 годах вы пренебрегли громадными окладами и спокойной службой, не боясь клички Распутинец!»

На склоне долгой своей жизни, вспоминая годы, когда вся Российская империя «кипела», бывший тобольский губернатор Ордовский-Танаевский писал: «...смерть-убийство Распутина только подлило масла в огонь. По сию пору я ставлю вопрос себе: что же это такое? Ведь он же [Распутин] постоянно говорил:

– Умереть я бы готов за царя и царицу, а только, если убьют, хуже будет. Ах, ах, надо кончать войну, хотя бы изменив союзникам. Англия всегда предавала, предаст и теперь!

Автограф Распутина. 1912 г.

¹ Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания. Жизнеописание мое. М., 1993.

Что же такое был Григорий???

Возьмем другой эпизод, с поздравительной телеграммой, которую прислал Распутин на адрес Ордовского-Танаевского: «Доспел тебя губернатором». Прочитывая ее, сам Ордовский в мемуарах добавляет в досаде: «Ну вот, еще не хватало. Дурак. Ты-то при чем?!» И в самом деле: Николай Александрович давно знал от высших сановников, что находится в резервном списке на должность не меньше губернатора. И все же без «слова поддержки» со стороны Распутина здесь не обошлось. Во всяком случае, в этом были уверены и губернатор Кошко, и бывший директор Департамента полиции Белецкий. Встречи, контакты Ордовского-Танаевского с Григорием действительно происходили нередко.

В то время распутинские автографы, телеграммы стали в России притчей во языцех. Иллюстрированный журнал «Искры», выходивший в столице, поместил в 1912 г. в № 10 фотопортрет Григория Распутина во всю первую страницу с таким автографом (орфография сохраняется здесь и далее): *«Наша жизнь вохристе» (четыре ошибки в трех словах, одна из них исправлена самим Григорием)*¹.

В книге «Святой черт» С. Труфанова, бывшего иеромонаха Илиодора, приведен еще один его автограф: *«незаботь sibя бог видит григорий»*.

Уже сама внешность «старца» была примечательна. Вот каким виделся он иеромонаху Илиодору:

«Самый форменный, грязный, корявый русский мужик, 48 лет. Сильная воля дала ему возможность повернуть от разгульной жизни к подвигам поста и молитвы. Сначала этими подвигами, а потом крайним половым развратом он утончил свою плоть и довел нервы свои до высшего предела колебания...»

Распутин – пророк, прозорливый, натура – сильная духом, экзальтированная, глубоко чувствующая и проникающая в души других...»

Многие из читателей, конечно, помнят кинокартину «Агония», где в роли всесильного временщика Распутина снялся прекрасный актер Алексей Петренко. О «святом черте» уже при жизни существовала довольно большая литература. Одно из последних произведений о нем – популярный роман «Нечистая сила» В. Пикуля.

¹ Искры. 1912. № 10.

Однако уральским страницам кипучей деятельности Распутина уделено немного внимания. Между тем в Пермской губернии, в Верхотурском монастыре и собственно в Перми, произошли важные события, связанные с царской семьей.

«КАКА-ТО СТЕРВА ПЫРНУЛА МЕНЯ НОЖОМ...»

...В конце июня 1914 г. Григорий выехал из Петербурга в свое Покровское. Двинул с большой помпой, в окружении поклонниц, уверовавших в него как в «блаженного» и «святого». На пути в сибирские просторы – приятная остановка в Перми. Местный епископ Палладий, как недобро писал о нем современник, «...желая снискать благоволение всесильного старца и чтобы получить кафедру повыгоднее, устроил ему торжественную встречу в парадных комнатах вокзала»¹.

Но у «старца» Григория была в Перми еще одна цель – он хотел получить у местного изобретателя Г. И. Кобяка электролитную воду.

Grigori Rasputin mit seiner Schwester

Das Haus Grigori Rasputins in Petrograd

О Распутине в немецком журнале

¹ Гладышев В. Изобретатель живой воды // Местное время. 1996. № 122.

Распутин пытался лечить единственного наследника царского трона – царевича Алексея, больного гемофилией (подробнее об этом см. в разделе «За оксозоном»).

Сотрудничества с изобретателем у «старца» в итоге не получилось, хотя несколько бутылочек воды он увез с собой. «Для пробы».

Напрашивается еще один вопрос: почему пермские газеты не осветили столь заметное событие – визит Григория Распутина? Все дело в том, как нам кажется, что в то время газетчики специально дезинформировали читающую публику, давая неверные сведения о маршрутах поездок Распутина. Этот трюк раскусил еще бывший его дружок, а затем ярый его враг Илиодор – Сергей Труфанов.

Тем же летом 1914-го, когда Григорий проследовал через Пермь в родное Покровское, он был тяжело ранен Хионией Гусевой, бывшей его поклонницей, которую «старец» совратил, изгоняя из нее беса. Женщина эта решила отомстить за все. Выследила и, уклучив момент, ударила его ножом.

Распутин, имевший необыкновенно живучий организм, в тот раз выкарабкался. Царица посылала в Тюмень, где его лечили, своего врача. «Высочайшие» телеграммы летели к «старцу». Телеграмма в столицу от самого Григория была такой: *«Кака-то стерва пырнула меня ножом, но с Божьей помощью остался жив».*

А эта «стерва» с проваливающимся носом (заболела сифилисом) преследовала Гришку по всей России. И настигла. Все могло произойти в Перми, но там Распутин, как мы знаем, не задержался. Теракт случился в Покровском...

• • •

Григорий Распутин стал необыкновенно знаменит в то время, когда молодая Анна Ахматова, как раз обдумывавшая «трагический балет» или либретто «фильмов» для Дягилева, писала: *«Я не поручусь, что там, в углу... не клубится борода Распутина. в глубине залы, сцены, ада (не знаю чего) временами гремит не то горное эхо, не то голос Шляпина».*

Оказывается, и поэтесса, спустя десятилетия, не представляла начало XX в. без образа хироманта, или Распутина, без «лишней тени» – «во фраке и хромает, показывает всем их будущее»...

Слом эпох предстает перед нами в этом незавершенном замысле, в наброске поэта почти угадывается булгаковский Воланд. Да что поэт! Видный октябрист бывший председатель Государственный Думы М. В. Родзянко в своих мемуарах предлагал считать убийство Григория Распутина 17 декабря 1916 г. переломным событием и даже началом второй революции, т. е. не Февральская, а Декабрьская революция должна фигурировать в бурной российской истории!..

Жизнь этого человека наверху, вблизи царской семьи, обросла самыми невероятными слухами и расписана на все лады. Гораздо меньше известно о том, что предшествовало столь фантастическому возвышению темного мужика из далекой сибирской деревни.

По одной версии, самой распространенной, Распутин ушел из родного села Покровского Тюменского уезда, после того как был избит односельчанином, у которого пытался украсть лошадей. После этого Григорий и стал странником... Он отправился в Верхотурский монастырь Пермской губернии на богомолье, а землякам паломник заявил: «За отца пойду, он дал обет пешком дойти до святых мест, угодникам поклониться, да стар, не можется ему. А я схожу...»

А вот как объясняет свое неожиданное прозрение сам Григорий: *«Вся моя жизнь была болезнью (крепким здоровьем он не отличался. — В. Г.). Вот что более [всего] толкнуло меня на новую жизнь. Киевские сродники исцелили, и Симеон праведный Верхотурский дал силы познать путь истины и врачевал болезнь бессонницы...»*

Верхотурский Николаевский монастырь в ту пору был славен на всю Расею, сюда стекались, бывало, до 50 тысяч богомольцев. Здесь было издревле намоленное место, здесь особо почитались мощи святого Симеона Верхотурского (они и сегодня хранятся в местном соборе Александра Невского).

Кроме того, поговаривали, что Распутин многому научился у верхотурских монахов, в том числе искусству гипноза, заговоров. Известен и такой факт: один из местных священников привил оспу своим детям раньше многих иноземцев.

Здесь всегда жило очень много знахарей, и вообще Верхотурье слыло центром ведунства и метеорологии или, как ныне это называют, средоточием мощного благотворного биополя.

...И представьте себе, в первый же день пребывания в столь благословенном месте я случайно очутился в сильном биополе какого-то неизвестного сражения. На старом подвесном мосту через Туру наткнулся на листовку с таким зазывным заголовком: *«Биоэнергетики, добрые колдуны и экстрасенсы приглашают!»* А далее они как бы рассказывают о своих методах: *«...особенно нам легко работать с детьми, с их чистыми и открытыми душами, мало защищенными от восприятия той бесовской энергии, которую мы получаем из космоса и которую не в состоянии держать в себе... Если же дети после наших сеансов вскорости станут исчадием зла и горем для родителей – это уже ваши проблемы... Мы не можем не „лечить“, так как уже сами рабы духов зла...»*

Теперь вы поняли, дорогие читатели, почему листовка – это не рассказ, а КАК БЫ рассказ о «передовом опыте» верхотурских ведунов? Перед нами – ловко написанная обманка, разоблачающая шарлатанов, которые, оказывается, околпачивают народ. И околпачивают якобы с благословения церкви.

У того самого покачивающегося моста мы провели опрос местных жителей, пытаясь выяснить происхождение культа Распутина в Верхотурье.

Вот самые типичные и красноречивые ответы.

– Он был Божий человек и крепость духа своего почувствовал именно здесь, потому что в Верхотурье не сильное биополе, как пишут ныне, а сильная благодать вокруг монастыря (Сергей, фотограф. 40 лет).

– Конечно, охальник был, кто ж еще?! В ванне с царицей купался... (После этих слов 70-летняя (!) бабушка нецензурно выругалась.)

– Кем был – не знаем. Только на водке видели, на бутылках (парни, купавшиеся в Туре).

– Сейчас им гордиться начали, хотя нам-то вбивали в голову, что Распутин своей фамилии соответствовал. У нас в школе милиции был преподаватель, которого мы звали Распутин. И вовсе не из-за его бороды (сейчас и нам можно ее отпускать, не возбраняется). Просто этот преподаватель сказал нам, что родственник Григория Распутина, дальний конечно. Если, говорит, не верите, приезжайте потом ко мне в Нижний Тагил, докажу документально (Анатолий, милиционер, которому в день нашей встречи как раз стукнуло 34).

Свое небольшое исследование я продолжил затем в стенах монастыря. Казаки, несущие здесь службу, – всего этих охранников около десятка, –

те горой за Распутина. Еще бы: сам настоятель уважает знаменитого «старца». Его Высокопреподобие – так следует обращаться к игуменам – явно провел со служивыми урок политграмоты.

С игуменом (сегодня уже бывшим: попал в немилость, переведен в другое место) мы беседовали в его полутемных покоях. Взгляд его цепкий и какой-то буравящий. Мне даже подумалось: у Распутина, наверное, такой же был... Энергии игумену не занимать, монастырь возрождается быстрыми темпами. А еще выпускал свою газету «Монастырский благовест» тиражом 5 тысяч (!) экземпляров. Темперамент у настоятеля-журналиста бойцовский.

Первым делом он спросил у меня, читал ли я книгу Олега Платонова о Григории Распутине.

– Вы почитайте, почитайте, очень полезно будет узнать, как большевики и революционеры разные старались оклеветать Божьего человека. И им это почти удалось, столько нагородили, тьфу! А Распутин был нормальным человеком с очень сильными способностями. И никакой он не блудник, разве стала бы царская семья так за него держаться? Он же единственный, кто способен был помочь наследнику Алексею, это вы знаете?

И вылечил бы, если б не война да не смутьяны-заговорщики разные. В Верхотурье Распутин построил дом для царской семьи, увы, этот красивый терем недавно сгорел. В 1914 г. должны были привезти сюда Алексея, да не вышло вот, вся история по-другому повернулась...

Исцелить полностью Алексея и «старца» не мог, но не бросал надежды. Главное, видимо, в том, что от Распутина исходила вера в исцеление, и этим объясняется расположение матери Алексея, императрицы, к другу.

Близость временщика к царской семье истолковали, как известно, по-иному, не без помощи самого Григория Новых (эту фамилию он получил по указу Николая II). И пошли гулять скабрезные карикатуры и стишки типа: «Царь с Егорием, царица с Григорием». «Егорий» означает 'Георгиевский крест'.

Игумен признал, правда, что «впадал в прелесть мужик», что было, то было, но ведь важно, как поборол себя человек. Самое интересное, что в Верхотурском монастыре был человек, который придерживается диаметрально противоположной точки зрения на «старца» Григория. Это отец Пантелеймон (Лаптев), архивариус и одновременно заведующий монастырской библиотекой (4 тысячи томов). На момент нашей встречи он

заочно учился в екатеринбургском филиале Российского богословского университета.

— Да, — говорит отец Пантелеймон, — с отцом Тихоном мы расходимся по этому вопросу. Но ведь и сам он, хоть и уважает Распутина, а когда читал книгу про него, то приговаривал иногда: «Ну он дает все же!» Мне кажется, надо опираться прежде всего на православные авторитеты. Так вот, я обобщил многие мнения и пришел все же к отрицательному заключению. Распутин хотел быть тем, кем не был, он находился в прелести, в духовном самообмане. Ему сильно вредило то, что не имел духовного руководства.

Здесь, в Верхотурье, он, может, и был Божиим человеком. Его есть за что уважать, действительно, он много помогал верующим. Последний раз он побывал у нас, кстати, осенью 1916 года, незадолго до гибели. А когда с ним произошла «духовная катастрофа», как сказал о Распутине святой человек Иоанн Кронштадтский, — не знаю. Вообще, это длительный процесс...

Среди православных авторитетов, на которых ссылался отец Пантелеймон, были епископ Феофан, дивеевские старцы, Елизавета Федоровна Романова и др. Почему-то мне показалось, что молодой архивариус долго в монастыре не задержится... Так и произошло.

Кстати, мой знакомый именинник, старший лейтенант милиции Анатолий, доверительно сообщил мне еще, что никакого такого биополя в Верхотурье нет. А если что и существует, то как и на всем Урале, который является местом энергетического разлома. Целители есть и лечат травками, но верхотурцы с большей охотой сходят в тайгу за кедровыми шишками. Таким способом можно «озолотиться».

— Во всяком случае, на понижение преступности местное биополе почему-то повлиять не может, — заметил старлей.

ПЛАТОНОВ ХОТЬ И ДРУГ (ЧЕЙ-ТО), НО ИСТИНА ДОРОЖЕ

С новыми разысканиями писателя О. Платонова о Григории Распутине я познакомился уже по приезду из Верхотурья. Полезная книга, много

новых фактов и версий, хотя автору, как нам кажется, сильно мешает его одержимость в поисках масонских антирусских сил. Писатель задается целью реабилитировать Распутина на все сто процентов, по это, как выясняется, непосильное дело.

По Платонову получается, что Григорий Ефимович совершенно непогрешим, а во всем виноваты враги православия, радикалы из левых и карьеристы из правых кругов. Происками завистников он объясняет даже свидетельства священников. Нет, не отца Илиодора (Труфанова), написавшего нашумевшую книгу «Святой чорт» (так писалось это слово по правилам дореволюционной орфографии), мы имеем в виду в данном случае. Эту личность мы трогать не будем, репутация у него действительно подмоченная.

Платонов пытается попросту отмахнуться и от таких документов, как дело Тобольской консистории 1907 г. В нем, в частности, мы находим не голословные подтверждения того, что «впадал в прелесть» Григорий, например хлыстовства, одной из сект, которые сегодня отнесли бы к тоталитарным. Читаем: *«...Распутин из своей жизни на заводах Пермской губернии вынес знакомство с учением ереси хлыстовской и ее главарями...»*

Чаше всего система доказательств «адвоката» Платонова строится по такому принципу: положительные отзывы и факты берем, а «хулу» — не замечаем. Читатель узнает, что сам Столыпин приглашал Распутина помолиться за свою дочь, раненную во время покушения. Но это было в 1907 г., и можно понять отцовские чувства. О том, что спустя короткое время председатель правительства изучит личность «старца», уверится в его опасности и даже решится доложить об этом Николаю II, мы из книги не узнаем.

И просто смешно читать расследования того, пил ли Григорий Ефимович или не пил, целовал своих последовательниц или как целовал, мылся с ними в бане или отдельно от них, бузил в ресторане или нет... А задаться бы автору вопросом: зачем вообще «старцу» ходить по ресторанам-то?!

Нет, пожалуй, объяснение «прелести» и духовной катастрофы Распутина кроется в метком народном замечании: «Никто человеку не способен навредить так, как он сам...»

ИСТОКИ ТЕРРОРИЗМА

Отношение к фигуре «святого черта» большевиков всегда было отрицательным. Довольно четко его сформулировал публицист, подписывавшийся фамилией Раин. В пермских «Известиях» от 25 сентября 1918 г. он писал: *«...романовщина – эта эпоха кнута, виселицы, народного бесправия – импонировала другому собирательному имени конца той же эпохи – распутищине. Романовско-протопоповский и распутинский (!) режимы прекрасно дополняли друг друга...»*

Под влиянием распутищины и убийства Распутина высокопоставленными заговорщиками видный октябрист и бывший председатель Государственной Думы России Михаил Родзянко пришел к следующему выводу: *«Вне всякого сомнения, что главные деятели этого убийства руководствовались патриотическими целями... но получился обратный результат. Страна увидела, что бороться во имя интересов России можно только террористическими актами, так как законные приемы не приводят к желаемым результатам».*

Конечно, странно читать о «небывалых репрессиях», которые последовали по царскому указу, великого князя Дмитрия, участника убийства Распутина, выслали из столицы – о, ужас! На самом деле эта щадящая мера наказания (для виду) спасла ему жизнь: вскоре началась революция, и Дмитрий Павлович, отбывавший наказание у самой границы, уже не вернулся в Россию, доживал свой век в Париже. (Это тот самый Дмитрий Романов по прозвищу Ландыш, который влюбился в жену Михаила Александровича Наталью.)

Газетам опять же строго запрещалось писать об этом деле и вообще о «старце», что, впрочем, не мешало журналистам, издателям платить штрафы и описывать случившееся в подробностях, которых так жаждал читатель...

• • •

Мимо образа Григория Распутина не смогли пройти многие литераторы эпохи Серебряного века. В восприятии Марины Цветасвой он – «пешая и лешая судьба России». Николай Гумилев отзовется о нем так:

В гордую нашу столицу
Входит он – Боже, спаси! –
Обворожает царицу
Необозримой Руси.

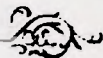
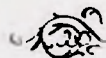
Яркий образ «старца» Распутина создал Михаил Осоргин. Сделал он это через отца Якова, одного из самобытных персонажей «Книги о концах», такого же пермского пилигрима, как и Распутин. На Гришку Новых пон-расстрига Яков Камасинский посмотрел «одним глазом» незадолго до его гибели.

«...Ужаснулся и пришел в восхищение! Был сей старец якобы некий символ и мощи, и темноты, и великого ума, и предерзости русского народа. Сколь сделал он – того никакая боевая партия не могла бы: выставил на всеобщий показ и явный позор ничтожество и гниение самых вельможных и неприкосновенных, раздел их в бане и вытолкнул на улицу на смех толпе!»

И даже непонятно нам, кто восхищается Распутиным – персонаж или сам писатель? Читаем: «Уж если ставить кому памятник – то именно сему мудрецу и распутному мужику, истинному всей России минувшему самодержцу!.. Этот был побольше Степана Разина и Емельки Пугача, народных простаков. Этот – воистину символ грядущего, апокалиптический зверь».

О своей встрече с Распутиным реальный отец Иаков (Шестаков) оставил в свое время по свежим следам в дневничке только краткую запись, не нашел «многодумных» слов. Их нашел за него Осоргин. Сцена убийства Распутина передается им в воспоминании земляка-попа с каким-то мистическим ужасом: «Взяли его хитростью, отравой и пулями, насев на него, пьяного, справа и слева, великий князь, да знатный богач, да обранный умник, да думский шут, – и то едва совладали. Добивали, яко живучего кота, сами трясясь от ужаса, потом тело в прорубь, одежду в огонь. А спроси теперь: подлинно ли убили его? Не встанет ли из воды, из огня и из земли сей огромный мужичище, не скажет ли про землю – моя! И про власть – моя! И не раскидает ли всех, как шелуху лущеного подсолнуха? Голова срублена – вырастет на ее месте сто голов».

Родзянко прав в одном: вся эта история сильно поспособствовала тому, что в России XX в. наступила эпоха беззакония, когда жизнь человеческая не стоила и нищенской копейки.

И все же даже новая власть часто обращалась к фигуре Григория. извлекала из данной темы определенную пользу. Так, в Перми уже в июне 1917 г. шла драма «Григорий Распутин» в шести частях. По окончании спектакля, как сообщалось в рекламе газеты «Жизнь», автор, писатель и артист С. П. Сабуров-Долмин прочел реферат «В чем была сила Распутина?».

Нелишнее добавление к рекламе, помещенной на первой полосе: «Пьеса лишена всякой порнографии, имеет историческое значение, интересна для всех, не исключая учащихся».

В последние годы возникло движение за причисление Распутина к лику православных святых. И выходят в свет книги, публикации, авторами которых делаются попытки обелить, реабилитировать всемогущего временщика при царском дворе. Характерно название одной из брошюр, вышедшей в Рязани в 2002 г.: «Оклеветанный старец».

На это был дан ответ предстоятелем Русской церкви патриархом Алексием II (ныне покойным): *«Нет никаких оснований ставить вопрос о канонизации Григория Распутина, сомнительная нравственность и неразборчивость которого бросали тень на августейшую фамилию будущих царственных страстотерпцев императора Николая II и его семейство».*

Оснований для канонизации нет, но историческое значение этой неординарной личности несомненно. О нем пишут исследования, снимают фильмы и... ищут сокровища «святого старца». Ценных подношений и подарков Григорий Ефимович получал действительно много. Предполагают, что распутинский клад был спрятан в подвалах Верхотурского монастыря или в его родном селе Покровском. Поиски остаются безуспешными, как и попытки найти могилу Михаила Александровича Романова.

Писатель Олег Платонов, который, как мы помним, одним из первых прошел по вероятному маршруту убийц М. Романова и Н. Джонсона, побывал в 2013 г. в Перми. Я встретился с ним. На мой вопрос о том, какую версию убийства великого князя он считает самой вероятной, наш гость ответил, что Михаилом он «больше не занимается». Выходит, потерял всякий интерес. А вот Распутиным писатель продолжает интересоваться...

АКАФИСТ РАСПУТИНУ¹

О Григорие, новый угодниче сатаны, веры Христовой хулителю, Русской земли разорителю, жен и дев осквернителю, того ради поносную смерть принявший! Како воспоем и восхвалим тя, разве глаголющее сице:

Радуйся, церкви Христовой поругание, радуйся, Синода оплевание, радуйся, Владимира изгнание, радуйся, Макария прозябание, радуйся, Питирима възгнание, радуйся, Варнавы превозношение, радуйся,

Ю. А. А. Б.

Каким Распутин казался (газетная карикатура)
и каким был в действительности за год до своей гибели
(рисунок худ. Ю. Анненкова)

¹ Вскоре после убийства Г. Распутина появилось это сочинение в форме акафиста (в православии — хвалебное песнопение в честь святых, исполняется стоя). Лит.

Илиодора удаление, радуйся, Гермогена заточение. Радуйся, Григорие, великий сквернотворче.

Радуйся, рассудка царева помрачение, радуйся, царицы услаждение, радуйся, царевича развращение, радуйся, Григорие, распутниче великий.

Радуйся, Штюрмера обретение, радуйся, Протопопова возвеличение, радуйся, Саблера удаление, радуйся, Самарина низвержение, радуйся, Джунковского отстранение, радуйся, Андроникова окрыление. Радуйся, Григорие, великий сквернотворче.

Радуйся, таинственного питания взалкание, радуйся, бесов служителю, радуйся, ложа брачного осквернителю, радуйся, жен совратителю, радуйся, дев соблазнителю. Радуйся, Григорие, распутниче великий.

Радуйся, веры православной хулителю, радуйся, хлыстов насадителю, радуйся, пляски бесовской устроителю, радуйся, казнокрадств начальниче, радуйся, лихоимцев прибежище. Радуйся, Григорие, великий сквернотворче.

Радуйся, темных сил игемон, радуйся, Русской земли злой демон, радуйся, немцев оплот и прибежище верное, радуйся, сатаны вместилище скверное. Радуйся, Григорие, великий сквернотворче.

Радуйся, любострастия причина, радуйся, лжесвидетельства ревнителю, радуйся, хулиганов покровителю, радуйся, Григорие, великий сквернотворче.

«ПРИЗРАКИ ДОМА РОМАНОВЫХ»: ЛЕЙБ-ХИРУРГ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

В фильме «Призраки дома Романовых», снятом в 2008 г. по заказу канала НТВ, появилось немало нового. Съёмочная группа побывала в Перми, в местах, связанных с Михаилом Александровичем. А затем авторы фильма выехали за границу, встретились с представителями дома Романовых за рубежом. И – редкая удача – нашли старожилу, который когда-то давно жил в царской семье. Этим человеком оказался сын доктора Деревенко...

*В здании второй городской клиники хранят память о работе здесь
лейб-хирурга В. Н. Деревенко*

Доктор Деревенко... Долгие годы о нем знали лишь немногие. И эти «немногие» знали о нем столь же немного – примерно в размере лапидарной статьи, приведенной в справочнике «Профессора Пермского университета» (Пермь, 2001). Но и в этой заметке, отражающей основные жизненные «станции» и научные достижения, нет даже намек на важнейший, как считал сам доктор, этап в его профессиональной карьере. Этап судьбы, составивший в советское время страшную тайну, за которую профессор был бит и слева, и справа, и красными, и белыми...

CURRICULUM VITAE – ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПО-СОВЕТСКИ

Владимир Николаевич Деревенко (1879–1936) родился в семье личного дворянина Белецкого уезда Бессарабской губернии. Окончил первую Кишиневскую гимназию (1899). Поступив в Военно-медицинскую

академию (ВМА), окончил ее в 1904 г. с отличием и степенью лекаря. Был удостоен премии имени академика И. Ф. Буша, и его фамилия была занесена на мраморную доску академии. В мае 1904 г. был призван на действительную службу и назначен младшим врачом при Керченской крепостной артиллерии. Одновременно заведовал венерическим и глазным (!) отделениями местного лазарета. Принимал участие в Русско-японской войне, работая на передовом перевязочном пункте, в том числе во время тяжелых боев под Мукденом. Работал ассистентом известного доктора Федорова, в течение трех лет готовился к профессорскому званию. С мая 1905 г. Деревенко – ординатор при хирургической госпитальной клинике родной ВМА, где и защищает диссертацию (1908) на тему «К вопросу об оперативном лечении невралгии тройничного нерва».

С 1911 г. Владимир Николаевич – приват-доцент кафедры клинической хирургии. С июля 1917 г. – профессор Пермского университета. В июле 1919 г. эвакуирован в Томск, работал в качестве приват-доцента кафедры факультетской хирургической клиники. Летом 1920 г. резвакуирован в Пермь.

Как заметил читатель, в биографии профессора пропущен значительный отрезок времени. А ведь именно в этот период произошло важное событие, в корне изменившее всю дальнейшую жизнь доктора Деревенко.

Случилось это в 1912 г. Доктор Деревенко был введен в штат придворных медиков, которым выпала честь наблюдать-пользоваться, как говорили тогда, членов царской семьи. Особое внимание уделялось, конечно, персоне наследника – цесаревича Алексея Николаевича.

Отношения с августейшим отпрыском Владимиру Николаевичу удалось наладить, судя по всему, вполне доверительные и близкие. Сын доктора Коля, родившийся в 1906 г., т. е. на два года позже цесаревича, был одним из немногих друзей детства наследника, воспитывался он в Царскосельской Императорской гимназии. Колю постоянно приглашали играть с цесаревичем, а тот, в свою очередь, также старался отблагодарить друга, поздравлял его с праздниками. Чудом сохранилась пасхальная открыточка, написанная 2 апреля 1917 г. Алексеем: «Воистину воскрес! Твой Алексей». Сюжет картинки – из яйца выпрыгивают зайчики...

Младший Деревенко старался поддержать Алексея и позднее, в самые тяжелые минуты. Сохранились сведения, что в Тобольске Коля писал Алек-

Царевич Алексеи играет с Колей Деревенко.

Текст на открытке, написанной Алексеем: «Дорогой мой Коля.

Спасибо за письма и рисунки. Мне теперь лучше. В саду ужасная грязь.

Повсюду положены доски. Посылаю тебе просфору. Синий говорит, что он ругал Фефер, так ей и надо ха-ха-ха!!!! Синий – это твой папа, я его так называл в Крыму. Поклон всем. Целую. Твой Алексей»¹.

сею записку, которую изъяли охранники. (В начале 1920-х гг. Николай Деревенко поступил на медицинский факультет Пермского университета, но проучился недолго в связи с переездом семьи. Позднее эмигрировал.)

Как известно, цесаревич страдал опасным и неизлечимым заболеванием – гемофилией. И Деревенко, и другим лейб-медикам удавалось облегчить его страдания, но и только. Не случайно отчаявшаяся царица, стремясь помочь сыну, прибегала к самым экзотическим мерам. Тогда и появился при дворе «народный лекарь» Григорий Распутин.

Любопытное упоминание о «союзе» врача и знахаря находим мы в книге белогвардейского следователя Николая Соколова. Он пишет, что возле больного мальчика всегда был врач Деревенко.

«...Наука делала свое дело, наступал кризис, опухоль рассасывалась, мальчику делалось легче. Состояние матери понятно. Веря в Распутина, она в силу целого комплекса психопатологических причин весь результат благополучного исхода относила не к врачу, а к Распутину»².

¹ В этой записке, написанной в апреле 1918 г., упомянута просфора. В ней мальчики передавали свои записки, играя в свои секреты, из-за чего матрос Хохряков, тогдашний председатель Тобольского совета, учинил Коле суровый допрос.

² Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М., 1990.

Но Распутин как внезапно появился, так же внезапно был «убран». А профессионалы всегда нужны. Доктор Деревенко оставался рядом и в самые тяжелые для царской семьи минуты. После отречения Николая II он не покинул Романовых. В царскосельском заточении Владимир Николаевич поддерживал граждан Романовых в меру своих сил. Он делил с ними все тяготы быта, работал и на «субботниках» в парке.

В. Н. Деревенко сопровождал царскую семью во всех последних поездках, вплоть до Екатеринбурга. Все 16 месяцев.

О достойном поведении Владимира Николаевича в «пропущенные» годы говорит многое... В период гражданского противостояния доктор мог отказаться от опасного соседства с царской семьей, однако он не только не отказался, добровольно поехав с Романовыми в заточение, но и оставался рядом и тогда, когда большевики предложили ему «убираться подальше от здешних дел».

Из Царского Села Временное правительство отправило семью Романовых с челядью в сибирскую ссылку. Ехали на двух поездах под флагом японской (!) миссии Красного Креста. Так казалось надежнее. Путь лежал через Вологду, Вятку, Пермь и Екатеринбург до Тюмени. Иногда на маленьких станциях и разъездах царственным узникам разрешали прогуляться. В Перми прогулок не разрешили. Однако именно в то лето 1917-го доктор Деревенко, судя по всему, сделал запрос о вакансии в недавно открывшееся пермское отделение Петербургского университета и получил благожелательный отклик. Так в его послужном списке появилась пермская страница.

Прибыв в Тобольск, члены царской семьи вместе с верными придворными, теми, кому было разрешено поехать в ссылку, жили сначала на пароходе «Русь». Затем ссыльных перевели в бывший губернаторский дом, а доктор и другие придворные поселились неподалеку, в доме купца Корнилова.

Поначалу, когда условия содержания Романовых еще были сносными, доктор виделся с ними чаще. А 7 (20) мая 1918 г. В. Н. Деревенко вместе с царской семьей выехал на пароходе «Русь» в Тюмень и уже оттуда — в Екатеринбург.

В то время, когда августейшая семья содержалась под арестом в Ипатьевском доме, группа офицеров попыталась раздобыть план квартиры, где держали Романовых. Подполковник Ярцов, начальник Екатеринбург-

ской инструкторской школы, привлеченный к следствию Н. А. Соколовым в качестве свидетеля, в июне 1919 г. показал, что раздобыть план особняка они пытались и через монахинь, которые носили царственным узникам молоко и яйца. Но монастырь не помог¹.

Из протоколов допросов участников заговора выясняем, что получить план особняка удалось только через доктора Деревенко, который «на словах сообщил о расположении комнат». Как известно, ничего реального для спасения царственных узников сделать не удалось. Почему? Как считали сами «заговорщики», с одной стороны, из-за сильной охраны особняка, а с другой – из-за слежки за офицерами. Для спасения августейшей семьи требовались деньги, и немалые, как выяснилось, их у офицерской группы не было. Хотя последняя причина, названная «заговорщиками», по меньшей мере странная. Известно, что для августейшей семьи различные лица не раз переправляли крупные суммы денег, т. е. проблема была не в средствах. Да и у самих Романовых было немало драгоценностей, которые они зашили в свою одежду. При желании переправить на волю часть этих сокровищ, конечно, можно было... но названные выше офицеры оказались плохими организаторами.

Ярцов, правда, говорил, что их пятерка добивалась от доктора «более выпуклых сведений», но не получила таковых – ни сведений о состоянии членов августейшей семьи, ни других важных деталей, необходимых для четкой организации побега, свидетель не знал. Это могло произойти по двум причинам: или потому, что Деревенко не хотел, или потому, что не мог, т. к. за ним самим следили, а при разговорах с узниками присутствовали комиссары. Не хотел рисковать или не мог выполнить просьбу-задание? Можно предположить второе – не мог. К такому выводу мы приходим еще и потому, что в показаниях свидетеля, допрошенного Соколовым летом 1919-го, проскальзывает еще одно упоминание фамилии Деревенко. Оказывается, доктор рассказал супруге одного из упомянутых офицеров о случае, произошедшем возле Ипатьевского дома. Разорвалась граната, непонятно почему и непонятно кем брошенная, и этот случай «дурно отразился на душевном состоянии наследника». Стало быть, какие-то сведения о состоянии узников доктор все же передавал неудачливым заговорщикам.

¹ Здесь и далее протоколы допросов используются по кн. Н. А. Соколова. Аят.

Из допроса другой свидетельницы, дворянки З. С. Толстой (сестры известного поэта С. С. Бехтеева, сконч. в 1954 г. в Ницце), выяснилось следующее. Она говорила Соколову в Ницце в 1921 г., что Деревенко был более чем откровенен и точен в описании условий содержания Романовых под арестом. В частности, доктор рассказывал, почему семье живется плохо: тяжелый режим, постоянный надзор, плохое питание.

Деревенко говорил, что жестокий режим плохо отражается на здоровье наследника, а также о том, что царскую семью «необходимо увезти из Екатеринбурга». Кое-что удалось предпринять и самому Владимиру Николаевичу. Так, монахини Ново-Тихвинского женского монастыря рассказывали П. А. Соколову, что они стали приносить в дом Ипатьева снедь для царской семьи «по распоряжению доктора В. Н. Деревенко». Судя по всему, он вместе с доктором Е. С. Боткиным поставил вопрос о питании перед комендантом «дома особого назначения» Юровским. После этого члены Уралсовета, посоветовавшись, временно несколько ослабили режим содержания «царских сатрапов».

«ПРОСТИ МЕНЯ, ДЕРЕВЕНКО»

Характерная встреча произошла в том же Екатеринбурге 15 (28) мая. Доктор Деревенко шел по Вознесенскому проспекту вместе с придворными учителями иностранных языков Сиднеем Гиббсом (английский) и Пьером Жильяром (французский), которые после помещения Романовых под арест остались, хотя им было разрешено «исчезнуть». Вдруг они увидели, как от дома Ипатьева отъезжают два извозчика, на которых охранники увозили К. Нагорного и И. Седневу, лакеев царских детей. Доктор с попутчиками решили проследить (рискованное решение!), куда их увезли. Оказалось, в тюрьму. Вскоре обоих арестантов расстреляли – за то, что были верны царской семье, за то, что «слишком дерзко» отстаивали элементарные права малолетних узников.

Клементий Нагорный, матрос с яхты «Штандарт», был дядькой цесаревича Алексея, он заменил в этой должности боцмана Деревенько. У Александра Куприна есть рассказ «Шестое чувство», в котором описаны отношения наследника и его дядьки. Однажды государь иаишлепал расшалившегося цесаревича за то, что тот, не слушаясь увещаний

дядьки и вопреки запрещению доктора, лазил по деревьям. Мальчик держался молодцом: закусил нижнюю губку и даже не пикнул. Потом Алексей подошел к боцману и сказал, протягивая ручонку: «Прости меня, Деревенко».

Заметим: даже Куприн написал здесь фамилию так, как и у Владимира Николаевича. Но в фамилии доктора нет «ь», и в родстве эти люди не состояли. Кроме того, бывший дядька Деревенько стал, по существу, изменником, ведь он – один из немногих придворных – после отрече-

Доктора Деревенко не надо путать с боцманом Андреем Деревенько (на снимке он еще с царскими детьми)

ния Николая повел себя крайне неуважительно и хамски по отношению к царским детям. Так что доктору, «почти однофамильцу», он составляет полную противоположность и по человеческим качествам.

В начале августа 1918-го, после взятия Екатеринбурга белочехами, доктор ездил вместе с упомянутой группой офицеров-слушателей Военной академии в Коптяки на осмотр места, где были обнаружены останки большевистских жертв. Он помогал следователю по важнейшим делам А. П. Наметкину, предшественнику Н. А. Соколова, в опознании, он же узнал многие из вещей, которые были найдены в кострищах возле шахт.

ПОДВЕРГАЛСЯ РЕПРЕССИЯМ...

Уехав с Урала, Владимир Николаевич заведовал кафедрой и клиникой общей хирургии Днепропетровского мединститута. Судя по отрывочным сведениям, дошедшим до нас, жилось ему в советские годы несладко.

...Мы узнали, в частности, что почетный лейб-хирург (такое звание присвоили доктору), когда находился вместе с царской семьей в ссылке, в Тобольске, лечил и местных жителей. Что интересно, под его руководством начинал здесь хирургическую деятельность А. Г. Савиных, впоследствии – действительный член АМН СССР.

...С января по август 1920-го – приват-доцент Томского университета по кафедре факультетской хирургической клиники. Читал студентам медицинского факультета необязательный курс лекций по урологии. Летом 1920-го реэвакуирован в Пермь.

Интересны обстоятельства того, как Пермскому университету удалось вызволить доктора из «сибирского плена».

20 августа 1920 г. в Москву, в Главсанупр (Главное военно-санитарное управление) на Петровку, 17, ушла следующая телеграмма за подписью ректора Н. Оттокара: «Ввиду начала занятий [в] Пермском университете прошу [в] самом срочном порядке распорядиться об откомандировании из Томска профессоров ДЕРЕВЕНКО и ПИЧУГИНА, мобилизованных, находящихся в распоряжении начсанарма (начальника санитарной службы армии. – В. Г.), к месту службы [в] Пермский университет»¹.

Этого запроса оказалось мало, и в Москву летит еще одно ходатайство – «о срочном освобождении от военной службы профессора Деревенко, состоящего врачом 3-го госпиталя в Томске». И только после этих энергичных мер профессор оказался в Перми. Здесь Владимир Николаевич работал не более трех лет.

Осветить последний период жизни замечательного доктора мы можем теперь благодаря документу, поступившему с независимой Украины. В справке-характеристике личность профессора Деревенко раскрывается в новом свете...²

¹ ГАПК. Ф. Р-180, оп. 1, д. 224, л. 20. В круг знакомых Михаила Романова входили и другие врачи. Находясь в пермской ссылке, он продолжает переписку с В. Р. Клеветалем. В письме пишет от него письмо. В. Р. Клеветаль, врач, генерал-майор, заведовал в Гатчине секретом, созданным Михаилом Александровичем и его супругой. В Перми работал брат Владимира Робертовича, Евгений Робертович, видный русский врач-психиатр; в 1926–1930 гг. Е. П. Клеветаль заведовал Пермской психиатрической клиникой, преподавал в местном университете. Автор.

² Справка из музея мединститута г. Днепрпетровска дается в изложении, хранится в личном архиве автора. Автор.

Владимир Николаевич безукоризненно владел иностранными языками, систематически следил за мировой литературой и отлично знал ее. Он был блестящим лектором, его лекции базировались на глубоких знаниях и умении ясно и четко, в образной форме преподнести тему, поэтому лекции профессора посещали не только студенты, но и практические врачи многих лечебных учреждений города. Профессор В. Н. Деревенко был прекрасным клиницистом-диагностом. Диагностику он связывал с данными физиологии, патологической анатомии, другими дисциплинами. Разбор болезней, который он проводил, был исчерпывающий. Особенно следует отметить высокую хирургическую технику Владимира Николаевича. Это был хирург-виртуоз, который свободно владел техникой сложных операций. Конечно, этому способствовало то, что В. Н. Деревенко получил основательную подготовку, прошел прекрасную школу (у профессора С. П. Федорова). Так, Владимир Николаевич впервые в Днепропетровске стал применять инструментальные исследования и операции на мочевыводящих путях и т. д.

Днепропетровские коллеги называют дату кончины В. Н. Деревенко – 1930 г. Итогом его творческого научного пути стало «Пособие по хирургии», к сожалению оставшееся в рукописи «в связи с преждевременной смертью автора»¹. Ранее В. Н. Деревенко опубликовал несколько своих научных работ, одна из которых – диссертация на звание доктора медицины «К вопросу об оперативном лечении невралгии тройничного нерва» (СПб., 1908).

Возьмем еще одно заграничное издание. В сборнике «Письма святых царственных мучеников из заточения», изданном в 1974 г. под эгидой Русской зарубежной православной церкви (в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле, США), говорится, что бывший почетный лейб-хирург «...после расстрела царской семьи служил большевицкой (так пишут это слово за рубежом. – В. Г.) власти: руководил медицинскими клиниками при Пермском университете, лечил комиссаров и видных советских чиновников»².

¹ Типичная фигура умалчивания советских времён: на самом деле доктор был репрессирован, его жизнь оборвалась в 1936 г. Акт.

² Дополненное издание этой книги, в дореволюционной орфографии, вышло и в России. (СПб., 1996). Акт.

КАК ПРИЗРАК ИЗ ПРОШЛОГО

На фотографиях царской семьи, дошедших до нас, доктор Деревенко встречается часто. Всегда рядом и всегда в мундире...

Как упоминалось выше, Колю, ровесника цесаревича, постоянно приглашали играть с Алексеем.

В телефильме 90-летний старец, прикрыв глаза, из полумрака (действительно, как призрак из прошлого) вспоминает момент своего знакомства с Алексеем:

– Первое, что я увидел, когда вошел, – царевич полулежал на каком-то диване, он был одет в блестящую офицерскую форму. Я стоял по стойке смирно и, кажется, даже отдавал честь...

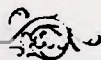
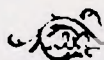
В ту минуту царевич показался мальчику «очень высоким, красивым и сильным». Коля даже не догадался, почему Алексей полулежал, но вскоре страшную тайну семьи узнал и он.

– Эта болезнь, гемофилия, постоянно мучила его, – продолжает Николай Владимирович, – она влияла на него не только в смысле боли, но и поведения. Когда делали фотоснимок, Алексей держался так, как будто одной ногой стоял на ступеньке, потому что долго стоять ровно он не мог.

Они не разлучались около шести лет. Для царских детей Коля Деревенко стал почти своим, с великими княжнами он играл в прятки, особенно сдружился с младшенькой, Анастасией. Когда приближались праздники, Рождество, царская семья готовила всем подарки и Коле тоже. Мария измерила его ногу, потому что подарила какие-то чулки. Сам император запомнился мальчику тем, что ходил всегда в военной форме, как и его отец.

...До самой своей трагической гибели (был арестован как «враг народа» за близость к «царскому сатрапу») он сохранял свое достоинство. Главное, доктор Деревенко и в пермский период, и в последующие годы всегда оставался врачом. И лечить ему приходилось не только «видных чиновников и комиссаров». Он не забывал о гуманном предназначении своего дела.

Новые данные подтверждают то, что Владимир Николаевич обладал высокой профессиональной репутацией, это была достойнейшая личность

во всех смыслах. Стало быть, далеко не случайно доктор Деревенко стал почетным лейб-хирургом. Царский выбор здесь был безошибочен.

Вот почему не хочется соглашаться с главной мыслью авторов телефильма НТВ «Призраки дома Романовых» (автор – Д. Штоколов), мыслью задиристой, некорректной и не очень обоснованной, на наш взгляд. В своей работе энтэвэшники стремятся показать, что и великий князь Михаил Александрович, и доктор Деревенко – это некие бесплотные призраки далекого прошлого, и не более... О Михаиле, исчезнувшем без следа, в фильме сделан вывод на основе субъективного мнения одного из представителей зарубежного дома Романовых, что претендовать на престол он не мог, а «последним императором России» нужно называть царевича Алексея и т. п.¹

Объединяет судьбы двух жертв, М. Романова и В. Деревенко, как, впрочем и других, то, что они были несправедливо преданы забвению на многие десятилетия. Пришло время, мы смогли прочесть дневники Михаила, а также его старшего брата. Одна лаконичная фраза Николая II: «...Алексю стало лучше. Вл[адимир] Ник[олаевич] сделал гипсовую повязку...» (Запись сделана в среду, 16 (29) мая 1918 г.) Стоило потянуть за одну фразу, как за ниточку, и перед нами раскрылась потрясающая судьба не просто «лица, приближенного к императору», но замечательного русского врача.

Так же вышло, как мы убедились, и с судьбой великого князя Михаила Александровича. Их биографии, судьбы насыщаются плотью и кровью, обрастают фактами, материалами, они заслуживают внимания потомков.

¹ Некорректность членов творческой группы НТВ заключается не только в одностороннем подходе к разработке общественно значимой темы, и не только в том, что московские телевизионщики не очень внимательно обошлись с высказываниями автора данной книги (я воевал в Перми по романовской линии), безбожно сократив мое интервью. Журналисты добились невиданного успеха, проникнув в святая святых: обительница комнаты, которую в 1918-м занимал Михаил, пустила их к себе, разрешила снять интерьеры и вид с исторического балкона. Но «пропуском» для москвичей стало их обещание, ничем после не подтвержденное, помочь женщине решить ее квартирный вопрос. А вот.

ЗА ОКСОЗОНОМ

«СВЯТАЯ ВОДА» ГЕОРГИЯ КОБЯКА

Среди пермяков, с кем чаще всего общался Михаил Александрович, назовем семьи купцов Тупицыных, Алиных, Кобяк. Из них самой большой популярностью пользовался, конечно, Георгий Кобяк. Почта шла по адресу этого предпринимателя и изобретателя просто, стоило только написать на конверте два слова: «Пермь, Кобяк».

...Топографию старой Перми, начала XX в., нужно измерять шагами. Мы направляемся к дому Кобяков от «Королевских номеров», где провел свои последние дни великий князь Михаил Романов. Семья Кобяк занимала помещение в доме, где при советской власти расположатся карательные органы, называвшиеся при царе охранкой.

— Вот там, на втором этаже, семья занимала девять комнат, — рассказывает внучка изобретателя Ариадна Георгиевна Ермакова (Кобяк).

*Георгий Игнатьевич Кобяк (с бородой),
редактор «Пермских губернских ведомостей», 1901 г.*

— Приходил сюда и сам Михаил Романов чай попить, побеседовать с интересными ему людьми. И Григория Распутина здесь обедом угощал дедушка. Распутин, как известно, лечил царевича Алексея, вот и заинтересовался электролитной водой, которую изобрел дедушка...

Глава семьи Георгий Игнатьевич был действительно интереснейшей личностью. Образованный, предприимчивый человек, изобретатель; несколько лет был редактором «Пермских губернских ведомостей». У него было несколько патентов. Но самое знаменитое и самое полезное для человечества изобретение Кобяка — это, конечно, та чудодейственная вода. оксозон, обладавшая сильными антисептическими свойствами. Оксозон — сокращенное название «эссенции электролитной воды Кобяка». Сохранилось немало просьб, прошений в адрес изобретателя, просто сотни просителей — от раненых воинов и до великой княгини Ксении Александровны.

Так уж вышло, что с царской семьей судьба повязала семью Кобяк на-смерть.

*Дом на Обвинской, где жила семья Кобяк.
Вера Константиновна Кобяк с детьми. 1915 г.*

Помощник белогвардейского следователя Н. А. Соколова И. М. Сре-тенский дал такие показания: «...между великим князем и семьей Кобяка началась дружба, последний почти ежедневно навещал великого князя, и он неоднократно заходил к Кобяку. Жена Кобяка посылала завтраки по особому вкусу князя. т. к. он страдал язвой желудка. Через некоторое время великий князь и его приближенные из „Клубных номеров“ переведены были в „Королевские номера“ на Сибирской улице. Туда прибыла супруга великого князя Наталья Сергеевна; она, побыв несколько дней (десять дней. – В. Г.), отправилась в Гатчину за своими детьми...»

В дневнике Михаила эта фамилия встречается чаще, чем другие¹.

15 мая. «Утром читал. Днем Наташа (жена М. А. Романова. – В. Г.) и я отправились на лодке в Среднюю Курью, а обратно переход сделали на пароходике. К чаю пришла барышня Кобяк (дочь Веры Константинов-ны и Георгия Игнатьевича Александра. – В. Г.)».

3 июня. «К чаю припли Кобяк: мать, дочь и сын, сам Кобяк не мог прийти, потому что заболел».

4 июня. «Утром читал. Днем закончил письмо Наташе, затем, т. е. к чаю, Дж[онсон] и я пошли к Кобяк, это изобретатель электролитной воды, живут они около Мариинской гимназии, против гостиного двора. Возвра-тились, мы не обедали, а только переоделись и пошли втроем в театр. Шла „Мальва“ из рассказа Горького...»

7 июня. «Вечером Дж[онсон] сходил к Кобяк и пробыл там до 11 ча-сов».

8 июня. «В 7 часов пришел папа Кобяк, с которым интересно погово-рили. После 12 час. дня я больше не ел, так как боли у меня все продол-жаются».

11 июня. «Сегодня боли были послабее и менее продолжительные».

В праздник Вознесения Господня, 13 июня, Вера Константиновна по-слала с дочерью завтрак для Михаила, но он не был принят. Скоро семье Кобяк стало известно, что в ночь на Вознесение в номера явились трое неизвестных мужчин, которые предъявили комиссару номеров бумагу с печатью...

¹ Цит. по: *Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы*. Пермь: Пушка, 1996.

Начались обыски и аресты, в том числе арестованы были управляющий номерами Сапожников, комиссар, семья Кобяка, упомянутые выше Знамеровский, Челышев и Борунов, причем последние трое были расстреляны.

В своем донесении Н. А. Соколову коллежский асессор И. М. Сретенский сообщил, что сам Георгий Кобяк смертельно заболел, пережитые потрясения ускорили трагическую развязку. Пермский исправник предположил, что только благодаря этому члены его семьи спаслись от расстрела.

СУДЬБА ОКСОЗОНА

Электролитная вода Кобяка успешно прошла исследования в Императорской Военно-медицинской академии. Руководитель лаборатории приват-доцент Иван Коровин написал в своем заключении 2 сентября 1911 г.: «...при всех этих исследованиях 2-процентный раствор „оксозона“ убивал золотистого стафилококка, стрептококка и холерного эмбриона в 30 минут, а брюшнотифозную палочку в 60 минут...» (орфография того времени. — *Ред.*)¹.

В доме Кобяков на Обвинской улице, 10, также нередко появлялись просители, а то и просто заступники и добровольные помощники.

Письма, отклики поступали в газеты и учреждения. Восторженный отзыв пришел Кобяку даже от основателя Парижского института для борьбы с раком профессора Доминичи. Он сообщал, что достиг «превосходных результатов (при применении электролитной воды) в лечении разного рода заразных, раковых и травматических поражений и язв». Оксозон оказывал благотворное действие при лечении катара желудка, при зубной боли, он бактерициден для бацилл сибирской язвы и т. п. Но чтобы считать «эссенцию» панацеей... Нет, на это сам изобретатель отвечал так:

— Я всегда настаивал и настаиваю на том, что моя вода по существу своему не представляет лекарства в собственном смысле; с ней вводятся в организм не чуждые ему вещества, не яды, а кислород — тот «дейтель», без которого немислима жизнь организма. Поэтому и утверждаю, что по своему составу и по механизму действия электролитная вода — это

¹ Кобяк Г. И. Электролитная вода. Пермь, 1909.

*Похороны прапорщика К. Кобяка.
Дом на Обвинской*

Слово епископа Андроника

средство по преимуществу натуральное, естественное и потому для организма безвредное...

Он был скромным человеком. Посмотрите, как просто объяснял он свою удачу: «Мне удалось, благодаря знакомству с химией и специальными работам с аккумуляторами, приготовить препарат с обильным содержанием кислорода и озона, постоянный по составу, весьма стойкий, не утрачивающий свойств и при продолжительном хранении...»

И все же Георгия Игнатьевича можно назвать, несмотря на все личные незадачи, счастливым человеком: признание пришло к изобретателю при его жизни.

ВИЗИТ «СТАРЦА»

Было и неофициальное признание со стороны таких, как Григорий Распутин. Приезжал «старец» в Пермь специально за «водичкой».

– Высокий, в подряснике, глаза буравчиками – таким запомнился нашей семье неожиданный гость, – рассказывает внучка изобретателя

А. Г. Ермакова (Кобяк). — Дом Кобяков всегда славился еще и своими обедами. Григорий Ефимович любил поесть, об этом также сохранилось семейное предание.

Отец Ариадны Георгиевны, Г. Г. Кобяк, профессор Пермского университета, рассказывал дочери о той встрече в подробностях. Ему было в то время 13 лет. Мальчику показалось, что Распутин смотрит на всех как-то исподлобья. А маму его, Веру Константиновну, явно шокировало предложение «старца» сесть рядом с ним. Представьте: пришел, уселся на диван, откинул полу своей поддевки и сказал, указав на место подле себя, т. е. на эту самую полу: «Садись, хозяйюшка!»

Как выяснилось из беседы, главная цель визита Распутина на Обвинскую была связана с семьей императора. Электролитная вода Г. Кобяка, обладавшая чудесными антисептическими качествами, имела уже девять наград, в том числе три — на иностранных выставках: это большая Золотая медаль и крест в Риме, в Карлсбаде и на Международной выставке применения электричества в Марселе.

А Распутин пытался лечить единственного наследника царского трона — царевича Алексея, больного гемофилией. Как уж он его лечил — неизвестно, но, судя по всему, боль заговаривать умел.

Георгий Кобяк после начала войны выедет на фронт, будет налаживать лечение своей водой раненых русских воинов. В фильме «Агония» есть сцена с освящением бутылок с минеральной водой «для наших героев». В этой сцене поражает то, что предприимчивые дельцы в погоне за прибылями не гнушались ничем, они обратились за благословением к Распутину. А самого изобретателя оттерли в сторону...

«С ТАКИМИ ЛЮДЬМИ РОССИЯ НЕ ПРОПАДЕТ»

Семья Кобяк была известна еще тем, что вела активную благотворительную деятельность, проникнутую искренним верноподданническим настроением. Для учащихся Пермской мужской гимназии Георгий Кобяк установил ежегодную стипендию имени цесаревича Алексея, составлявшую 1 300 рублей. Прошение об учреждении стипендии утвердил лично Николай Романов.

Вера Константиновна в числе первых поддержала акцию «Белый цветок», начинания царской семьи, направленные на борьбу с туберкулезом. В Перми такая акция получила массовую поддержку. Сохранилась фотография, на которой В. К. Кобяк вместе с сыном-гимназистом собирает деньги в пользу страдающих недугом.

Слова «За веру, царя и Отечество!» были не пустым звуком и для младшего поколения семьи. Сын Костя, окончив ускоренный курс артиллерийского училища в Петрограде, ушел на фронт. В бою под Сморгонью прапорщик Кобяк получил тяжелое ранение, ему ампутировали ногу, но... операция запоздала. Начался столбняк, от которого отважный офицер скончался. Произошло это несчастье 20 марта 1916 г. в присутствии отца. Георгий Игнатьевич был бессилен, никакая «живая вода» уже не помогала. Константина Кобяка похоронили на архиерейском кладбище, казалось, его провожала в последний путь вся Пермь. Театральный сад (в котором спустя два года бывал ссыльный Михаил Романов) был заполнен скорбной процессией. На панихиде сказал прочувственное слово епископ Пермский и Кунгурский Андроник.

...С царской фамилией семья Кобяк будет «рифмоваться» еще не раз. Сам изобретатель умер своей смертью спустя месяц после расстрела Михаила Романова, 18 июля 1918 г. Тем самым он ушел от большевистского возмездия. А вот жену его Веру Константиновну (урожденную Ильинскую) чекисты пытались притянуть к ответу... за то, что фамилия Кобяк не раз упоминалась в дневнике последнего российского царя. В 1919 г. она сидела в ЧК. Спустя несколько лет их дочь, Александра Георгиевна, в замужестве Стогова, ставшая скульптором, будет репрессирована. Пять лет проведет она в лагерях.

Об этом подробно рассказывается в книге воспоминаний потомков Георгия Кобяка¹. Можно добавить, что в 2002 г. авторы книги получили отзыв одного из представителей зарубежного дома Романовых. Князь Николай Романович Романов пишет из Италии:

«Уважаемые госпожи Стоговы и Ермакова!

Вернувшись в Италию, я нашел вашу посылку с любезным письмом и с семейной хроникой семьи Кобяк.

¹ Ермакова А., Стогова А., Стогова Л. Пермь. Кобяк. Пермь: Раритет, 2001.

Конечно, меня сразу особенно заинтересовали страницы, касающиеся жизни в Перми великого князя Михаила Александровича. То, что прочел с огромным интересом, дополняет отлично то, что мне уже известно. Не знаю, как вам высказать мою благодарность.

Но есть и другое: я прочел книгу от начала до конца и был глубоко обрадован, читая вашу семейную эпопею, которая дает урок всем русским. Есть кто в семье ученый и изобретатель, есть кто служит России во время 1-й войны, кто пострадал во время лютой эпохи 20-х и 30-х годов и кто в то же время служил, как знал и как мы, России. Наступила еще одна лютая эпоха войны против германских захватчиков, и вот члены семьи Кобяк вновь на первом плане служения России.

Меня чтение книги глубоко обрадовало. С такими людьми Россия не пропадет. Я в этом глубоко убежден.

С сердечным спасибо вам мой искреннейший привет,
князь Николай Романов».

...Внучка изобретателя Ариадна Георгиевна однажды в беседе с автором этих строк неожиданно призналась:

— Знаете, я верю все же в Зазеркалье, в общение в том мире, верю, что все делалось не зря. И в то, что царевич Алексей спасся, писали об этом, и не зря он с Распутиным общался, тот же сильный был экстрасенс. Признали же и изобретение дедушки, пусть и спустя столько лет...

В ДОМЕ «МЕХОВОГО КОРОЛЯ»

(АЛИНЫ)

Когда к Михаилу Романову приехала из Гатчины любимая жена графиня Наталья Сергеевна Брасова, супруги отправились на поиски новой квартиры для себя. В гостинице жить не хотели. С этой целью и посетили дом семьи пермских купцов Алиных, не раз упоминающихся в дневнике великого князя. Дом «мехового короля», как называли А. С. Алина.

Дом «меховых королей» Алиных

«Пермь, 29 апреля (12 мая). Воскресенье... Наташа, Джонсон и я пошли к г-же Алиной на Сибирской, где пили чай, а затем нам показывали комнаты, дом очень хороший... 20 мая (2 июня). Воскресенье... В 5 часов к чаю пришли Алин (сын) с женой...» (Из дневника Михаила Романова.)

Почему великий князь упоминает только госпожу Алину, объясняется просто. Хозяин, выходец из чердынских купцов Александр Семенович, умер в марте 1918 г., и всеми делами торгового дома Алиных «заворачивали» его вдова Таисья Александровна и дети, Александр и Агния. Как пишет Н. Баяндина в книге «Пермь купеческая»,

магазин Алиных на Сибирской не имел конкурентов по ассортименту и качеству мягкой рухляди, как называли в царские времена меха. Торговый оборот их достигал 240 тысяч рублей в год. Фактически все разнообразие мехового богатства России можно было приобрести здесь, у Алиных. Изделия из лисы, песца, белки, соболя, куницы, тюленьей кожи, замши, голубца (голубого песца), неплюя (олений теленок до полугода), пыжика (молодой северный олень)...

Можно представить, как разбежались глаза у супруги великого князя. Надо сказать, Наталья Сергеевна любила фотографироваться в мехах. Но в Перми Михаил Александрович, еще недавно слывший самым богатым из Романовых, приобрести уже ничего не мог, время настало другое.

Стены алинского дома украшали также картины, портреты.

– Недурно, недурно написано... – отметил, скорее всего, Михаил Александрович, который знал толк в живописи, не раз выступал и в роли мецената. Автором большинства работ был самый талантливый художник выпускник Академии художеств Алексей Несторович Зеленин. Он еще

учился в Академии, когда одну его картину, «На дне морском», прямо с выставки приобрел великий князь Сергей Александрович.

Несколько лет он жил здесь же, в доме Алиных, точнее, во флигеле, где устроил себе и мастерскую. Так что некоторые из портретов художник подарил купцу в знак благодарности.

Дом Романову понравился, но сменить квартиру он не успеет. Как известно, мотовилихинские боевики уготовили великому князю и его верному секретарю «вечную квартиру» во сырой земле. Но память об августейшем ссыльном пермяки хранят.

Внучка купцов Ля Панловна Красовская (Алина) помогала восстанавливать на Егонихинском кладбище семейный некрополь Алиных. При нашей встрече она вспоминала самое важное как на духу, словно прощаясь с жизнью (вскоре она действительно умерла).

– То, что у меня дед был купцом 1-й гильдии, я всегда знала и, наверное, лет тридцать с лишним очень переживала из-за этого. В комсомол не вступала, потому что мне было страшно: нужно же в анкете писать о происхождении, а соврать нельзя! А позднее в университете чистки устраивали, опять повод для страхов... Никаких способностей к предпринимательству по наследству мне не передалось. В войну как-то послали меня продавать картошку, так грех один... Вот тебе и «купеческий выродок» (так меня называла в сердцах любимая родственница).

Так что фотоальбомы мы гостям не совали, как другие. Через нашу семью вообще прошел трагический разлом (как в модной одно время пьесе). Один дед – «меховой король» (хотя я мехов за свою жизнь не видела и не разбираюсь в них), да тут еще знакомство Алиных с царской персонею. Кстати, имейте в виду, что в книжке «Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы» у бабушки моей перепутано отчество: ее звали Танся Александровна. А другой дед, Красовский, – тот, наоборот, революционер, затем стал Героем Труда, мы тогда в Ленинграде жили (я в Пермь-то на каникулы приехала перед самой войной).

Вот культ Красовского в семье был. Культа Алина не было, как вы понимаете. А вещи многие – алинские: ковры, стулья, ложки серебряные... Свекор у меня был из чоновцев (ЧОН – части особого назначения при советской власти), и вот в сугубо пролетарской семье «затесалась» я – «буржуйка», как называла меня иногда разъяренная свекровь. А еще называла – «тюремщица». Это потому, что маму мою в 30-х годах в тюрь-

му садили, требовали, чтоб золото алинское выдала государству. Вот ведь как было у нас...

И когда мне сказала знакомая, тоже внучка знатного пермяка, что нашла сведения о моих предках-купцах, я отказалась смотреть. Она сильно удивилась, а я не могу... Ну тяжело мне это, понимаете? Что знала про Алина еще? Всегда знала, что занимался благотворительностью, в частности помогал художнику Зеленину. Я сама помню с детства, что раз в год обязательно ходили в гости к Зелениным. И день свадьбы моих родителей отмечали 23 мая.

А памятники на могилах Алиных в Перми все порушили. Большие каменные ангелы стояли. Нашли место семейного захоронения только по надгробию младенца Анечки Алиной... Семейные участки Алиных хорошо сохранились только на родине купцов, в Чердыни, на церковных погостах...

* * *

Сегодня сведений о купцах становится все больше.

С семейством Алиных царскую тему связывает также командировка на Урал лейб-фотографа С. Прокудина-Горского. Этот замечательный мастер, оставивший нам первые цветные фотографии Перми, Чердыни и Ныроба, написал также интереснейшие воспоминания. Приведем здесь один эпизод об Алиных.

♦...Моя летняя поездка 1913 года была посвящена увековечиванию памятников старины, относящихся к избранию на царство Михаила Федоровича Романова и к другим событиям из истории дома Романовых.

Государь решил посетить с семьей некоторые особо выдающиеся по воспоминаниям места, как то: Нижний Новгород, Кострому, Ярославль и некоторые другие; но высочайшая поездка шла страшно быстрым темпом — остановки были очень кратковременными и совершенно исключали возможность серьезной работы и детальной съемки всех выдающихся исторических памятников. Тем не менее для посещения Костромы и Нижнего Новгорода я присоединился к свите государя, так как имел в виду еще и другую задачу.

Из Ярославля мне пришлось перебраться в Чердынь, на реку Колву — приток р. Вишеры, впадающей в Каму.

До Перми я доехал в своем вагоне и, оставив его там, пересел на предоставленный мне казенный пароход, на котором отправился в Чердынь, чтобы увековечить место заключения Михаила Никитича Романова.

В Перми в то время был губернатором Кошко, родной брат начальника Московской сысской полиции. Я представил ему свои бумаги и просил дать знать в Чердынь, чтобы мне к определенному времени приготовили лошадей для поездки в село Ныроб, где был заточен Михаил Никитич Романов. Тратить много времени на эту поездку я не мог, так как мне предстояло посетить в этом же году еще раз Туркестан, а затем ехать в Муганьскую степь, граничащую с Персией.

Итак, я двинулся сначала по Каме, затем по Вишере и, наконец, по Колве в Чердынь.

Там, на пристани, находилось уже все местное начальство, т. е. исправник, становой, городской голова и др. Исправник сообщил мне, что меня ожидают лошади местного купца Н. П. Алина. Действительно у пристани стояли две тройки в красивой наборной русской упряжи. Одна для меня, другая — под вещи.

Последних было так мало, что мы взяли их с собой, и вторая тройка поехала порожнем.

Не успели мы с сыном сесть, как наша тройка понеслась, и через несколько минут мы буквально влетели в раскрытые настежь ворота и подкатили к подъезду большого деревянного дома. На ступенях крыльца стоял сам хозяин — Николай Петрович Алин — с хлебом-солью, а около него

Николай Алин с матерью и женой. 1900 г.

жена с подносом с вином и рюмками. Это был чисто русский старинный прием почетных гостей.

После приветствия мы выпили с хозяином по рюмке наливки и вошли в очень большую приемную комнату, где уже был накрыт стол, уставленный всевозможными закусками и винами. Хозяйка за столом не садилась, а по древнему обычаю обносила всякими блюдами и усиленно угощала.

Алин был человек лет сорока, невысокого роста, но очень крепко сложенный и, видимо, огромной силы.

О его силе было известно далеко за пределами Чердынского уезда. Например, он с легкостью разрывал толстую полотняную салфетку, сложенную в восемь раз, не делая резких движений, совершенно так, как мы бы сломали кусок хлеба.

Однажды из тюрьмы в Чердыни бежали два очень опасных каторжника — профессиональные убийцы — и скрывались в лесах, нападая и убивая проезжих. Поймать их не удавалось. Тогда Алин предложил свои услуги. Приказал запрячь самую плохую лошадь и, одевшись купцом средней складки, вечером при свете луны поехал по лесной проезжей дороге, где предполагалось, что эти два каторжника могут быть. Никакого оружия он с собой не имел, находя это лишним.

Через несколько времени действительно на дорогу вышли два здоровых человека, один схватил лошадь под уздцы, другой же с дубиной бросился на Алину. Последний схватил его сначала за дубину, а затем за шею, в это время на выручку товарища подбежал другой, но и его постигла та же участь.

„Первый что-то и не сопротивлялся, видно, я ему сломал позвонки“, — рассказывал Николай Петрович. — Затем я треснул их башками друг о друга“.

В жизни Н. П. Алин, как и все почти люди исключительной силы, был очень мягок и добродушен.

Знали его на многие сотни верст, да и мудрено было не знать: это был крупнейший промышленник по всякому зверю, у которого на службе были тысячи стрелков-охотников, доставлявших ему шкуры самых разнообразных зверей. Несколько десятков приказчиков время от времени объезжали охотников и забирали у них товар, снабжая их порохом, пулями и дробью, а иногда и оружием, и рассчитывались за товар.

Один раз в году, поздней осенью, согни этих охотников съезжались к Алину в гости, и тут был пир горой. На улице и в огромном дворе расставлялись столы, и целую неделю шло веселье, душой которого был сам хозяин.

Популярность Алина была огромна. Можно сказать, что на Урале и в большей части Сибири у него было очень большое преданное войско отличных стрелков.

Ошибочно было бы думать, что Алин был простой, грубый, разбогатевший мужик. Напротив, он был в достаточной мере образован, чего достиг совершенно самостоятельно.

После обильного завтрака Алин предложил мне посмотреть его «хозяйство». Хозяйство это заключалось в огромных сараях, где хранилось много тысяч шкур разных зверей. По стенам сараев тоже были развешаны шкуры, и все первоклассного качества. Мало-мальски непервоклассную шкуру Алин направлял к скупщикам мелкого калибра, да и от охотников приказчики не принимали такого товара.

Чтобы судить о размере этого дела, приведу фразу Алина, когда мы осматривали огромный сарай с лисьими шкурами: «Уж извините, сейчас не время хвастать черно-бурой лисой, вот приезжайте к ранней весне, а сейчас здесь висит всего 500–600 шкур».

Все самые крупные торговцы России и Европы, как и Америки, были клиентами Алина.

«А теперь позвольте похвастать своим музеем», – сказал Алин, когда мы окончили беглый обзор сараев. Он привел нас в большой зал в доме, где под стеклянными колпаками в отличном порядке стояли чучела зверей и птиц. Был один экземпляр лисицы-альбиноса, причем вся лиса снежно-белого цвета из породы черно-бурых с очень длинной и густой шерстью. За эту лису Лондонский музей предлагал Алину 50 тыс. рублей. «К чему мне их деньги, – сказал мне Алин, – я это дело и сам люблю, да и лисе здесь хорошо». Особенно большая коллекция выродков была из рябчиков и белок. Была удивительная коллекция рогов благородного оленя. Один экземпляр таких рогов имел по 22 отростка на каждом роге абсолютно одного размера и одинакового расположения – явление исключительно редкое. Был черный медведь

с широкими белыми полосами, как у зебры. Поразительна еще была коллекция выродков-горностаев. Всего не опишешь.

Алин очень гордился и дорожил своим музеем, постоянно пополняя его чем-нибудь новым. С охотниками у него был уговор на случай, если им попадался интересный по окраске или другим каким-либо особенностям зверь или птица; за это платилась особо высокая цена.

В беседе с ним чувствовался в нем интеллигентный, развитый человек. По-видимому, он был старого толка, т. е. старообрядцем, как и его жена, и держался старых обычаев.

После осмотра музея мы возвратились в столовую, где был накрыт чай и подано шампанское.

За чаем Алин обратился ко мне со следующими словами:

— Не окажете ли вы мне помощь в одном деле, о котором я не раз обращался к губернатору, но без успеха. Он нашел это неуместным, и я получил отказ.

— В чем дело? — спросил я.

— Несколько лет подряд я собирал мех молоденьких зверей исключительно качества и сделал из них малахай, который хотел бы поднести наследнику цесаревичу. Сам я сделать этого не могу и потому обращался к губернатору, но, видимо, он или не хочет, или не может этого сделать. Вы имеете очень легкий доступ к Их Величествам и, быть может, мне можете. Никаких наград я не хочу, а просто хочу выразить наши чувства Их Величествам. Зимой хорошо будет наследнику в этой шубке!

Я совершенно не знал, мог ли или нет губернатор помочь Алину в этом деле; возможно, что если и мог, то это было сложно, ибо он не мог действовать помимо министра внутренних дел, а последний помимо министра двора.

С другой стороны, в таком отказе я лично видел большую ошибку, так как игнорировать выражение преданности таких людей, как Алин, особенно людей, живущих на далеких окраинах России и располагающих большими силами, по моему мнению, не следовало. Если считать очень скромно, то можно сказать, что у Алина было 3–4 тысячи охотников, а у последних были еще свои люди и это уже целая армия преданнейших людей, и преданных не по обязанности, а „за честь и за совесть“. Никаких

мыслей о каком-либо вознаграждении у Алина, конечно, и быть не могло при его огромном состоянии, и понятно, он не имел в виду „дать яйцо, чтобы получить быка“, как говорят французы.

Зная из опыта моих многочисленных поездок по окраинам России манеру отношения русской высокой администрации к окраинам и находя ее глубоко не дальновидной, я решил помочь в данном случае, ибо действительно имею полную возможность действовать без всякого риска.

Я человек ученый, могущий не знать тонкостей этикета и церемоний, и по своему неведению, игнорируя все инстанции, мог прийти и принести. Обдумав это, я просил Алина прислать его подарок ко мне на квартиру в Петрограде и обещал передать его императрице, так как подарок предназначался для наследника.

Кроме этого, это был не первый случай, когда мне приходилось непосредственно передавать подношения Их Величествам, всегда встречаемые с большим вниманием.

Алин очень растрогался. „Никогда не забудем вашего внимания, это не меня одного касается, а всего промыслового Урала да и значительной части Сибири“.

С. М. Прокудин-Горский сообщает, что просьбу Алина он исполнил по возвращении из Туркестана.

...Летом 2012 г. в администрации Чердынского района шло заседание рабочей группы по подготовке программы для участия в конкурсе «Пермский край – территория культуры». И тут в дверь постучали. Пожилой человек, по-русски говоривший с сильным акцентом, сообщил о том, что ему необходимо видеть «самого главного». Глава Чердынского района Юрий Чагин представился, и приезжий сообщил, что он родной внук легендарного чердынского купца Николая Петровича Алина (Алин Большой) и что он привез на родину дневник своей бабушки Анфии Даниловны, скончавшейся в 1975 г. в бразильском городе Сан-Паулу в почтенном возрасте 95 лет. А в дневнике – карта шести алинских кладов, спрятанных в Чердыни... Вот так – буквально как приключенческий роман – началась история Чердыни в качестве «центра культуры Пермского края» (http://www.kulturaperm.ru/publication?show_id=9399).

С кладками здесь действительно все в порядке. Один из кладов Алина Большого сам собой уже нашелся несколько лет назад – просто высыпался золотыми монетами из старой печной кладки.

«ПРОРОЧАТ БЫТЬ ЦАРЕМ» (ТУПИЦЫНЫ)

На встречах со своими зрителями Сергей Анатольевич Тупицын, известный пермский тележурналист, автор фильма «Два Михаила», любит вспоминать, с чего начался его личный интерес к судьбе великого князя Михаила Александровича.

– Как-то раз жена, читая пермский дневник Михаила Романова, обратила мое внимание на следующую запись: «В 8 час. пошли в театр, где шла „Мечта любви“... С нами сидели Сергей и Ольга Тупицыны». Мало того, что жену мою зовут тоже Оля, так еще выяснилось, что последний друг последних дней жизни великого князя был моим тезкой и однофамильцем! Случайность? Но после такого открытия я погрузился в изучение пермского периода Романова... Можно только догадываться о причинах, связавших юного провинциала и 40-летнего представителя монархической династии. Очевидно, Михаилу льстило восторженное поклонение 18-летнего служащего университета, а Сергей упивался близостью к столь высокой особе.

С тех пор Сергей Тупицын – по образованию он историк, окончил тот самый Пермский университет – увлекся романоведением. Тема настолько важная, что стала частью жизни журналиста. Конечно, занимается он и поиском данных о своем историческом тезке¹.

Хорошо известно, откуда у молодых Тупицыных роскошные и красивые дома, которые так понравились Романову. Происхождение семейного капитала, можно сказать, прославило эту фамилию во всероссийском масштабе. Дед Сергея, Евграф Кузьмич (Козьмич) Тупицын, уроженец Владимирской губернии, создал первый в России фосфорный завод. Предприятие работало на речке Данилихе, технологическая цепочка включала гончарное производство для выпуска огнеупорных сосудов, камеры для изготовления серной кислоты и цех изготовления фарфора.

¹ С. В. Тупицын был незаконно репрессирован как враг народа, в сентябре 1937 г. расстрелян в Москве, на Бутыньском полигоне. Реабилитирован посмертно. Авт.

У предпринимателей Тупицыных всегда были самые красивые дома

Первое производство химика-самоучки было крайне вредное, рабочие теряли здоровье в считанные годы. Хозяин тоже сократил свою жизнь на несколько лет, потому что не жалел и себя. Евграфа, как Люцифера, не жалели и все окрестные собаки, с лаем неслись за Тупицыным, потому что от него «несло». Запашок объяснялся просто: для выпуска столь ценного и редкого продукта, как фосфор, нужно было много костей домашних животных.

Сергей Тупицын, конечно, с гордостью показывал гостям посуду, тарелки, блюда, выпущенные собственным заводом – Тупицынским! Рассказывал и о том, как трудно было выдержать конкуренцию с английскими предприятиями. В конце концов и проиграли. Конкуренты не сразу подобрали ключи к строптивому купцу с Урала. Всё испробовали. Когда англичане предложили Евграфу Туицыну ставить на его изделиях английское клеймо (за солидный процент), тот не пошел ни на какие компромиссы с агентами зарубежных фирм и не стал имитировать продукцию (как делают сегодня, к примеру, китайцы).

Вот такие беседы плавно текли за чайным столом со всякими вкусностями в доме у Тупицыных, когда их навещал Михаил Романов. Хозяева показывали гостям почетные дипломы, полученные в награду на различных выставках. С 1885 г. начался вывоз пермского фосфора за

границу. По качеству он не уступал иностранному. На всероссийской выставке 1882 г. Тупицыным была присуждена серебряная медаль «За основание фосфорного завода и выделку фосфора при весьма значительных размерах производства». Затем, в 1887 г., на екатеринбургской выставке предприятие также было удостоено большой серебряной медали. Перенимая тупицынскую технологию, предприниматели строили новые заводы во многих городах России. Фосфорное дело, начатое пермским купцом, продолжало развиваться.

Ходили дорогие гости также гулять на Каму, где у Тупицыных была своя пристань. Когда-то с нее произведенный фосфор отправляли в различные города России — в Москву, Петербург, Вятку, Казань...

Александр Тупицын был избран директором Марьинского банка на очередное 4-летие в 1913 г. Это был год сплошных юбилеев: 300-летие дома Романовых, 50-летие банка и 55-летие самого А. Е. Тупицына. Директор был удостоен высокой награды — ордена Св. Владимира IV степени. В представлении городской думы говорилось: «Александр Ефграфович — коллежский советник из купеческого звания, был сотрудником Пермского общественного Марьинского банка с 1887 года, с января.

Романовские встречи в доме Тупицыных на Екатерининской

В должности директора с 1898 года. Окончил Императорский Петербургский университет. Почетный мировой судья по Пермскому уезду и почетный член Пермского губернского попечительства детских приютов. Имеет ордена Св. Анны 2-й и 3-й степени и Св. Станислава 2-й степени. За отличную и усердную деятельность по общественному банку в течение 24 лет был представлен к ордену Св. Владимира 4-й ст. На должности с 21 сентября 1898 года. Последняя награда – орден Св. Анны 2-й ст.¹. Именно Александру Тупицыну суждено было, как капитану «Титаника», проводить в последнее плавание могучий корабль Марьинского банка. В 1919 г., при белых, он вновь был призван на свой пост, провел денационализацию банка, но... только на короткий период, до нового прихода красных.

Однако в 1918 г., когда в этих местах бывал Михаил Романов, тупицынский завод уже не действовал. Наследовали дело сыновья Евграфа Козьмича – Александр и Владимир. В июне 1910 г. фосфорный завод прекратил свою деятельность. Причиной закрытия явилась невыгодность производства ввиду дороговизны топлива и сильной конкуренции зарубежных фирм, вырабатывавших фосфор более дешевым и прогрессивным способом.

Старшие Тупицыны имели солидный авторитет и вес в пермском обществе. Отец Сергея, Владимир Евграфович, как и его брат, окончил Петербургский университет. Братья входили в правления банков, стали соучредителями пароходства «В. К. Сорокин и братья Тупицыны». Оба входили на правах почетных членов в различные попечительства благотворительных обществ, учебных заведений. Их избирали гласными городской думы.

...На четвертый день после исчезновения Михаила и Джонсона С. В. Тупицын, 19 лет, служащий постройки университета в г. Перми, был приведен в арестный дом и подвергнут допросу Пермской ЧК. Его привлекли в качестве обвиняемого «по делу похищения из гостиницы „Королевские номера“ Михаила Александровича Романова». Из протокола допроса мы узнаем некоторые важные детали, проливающие свет на обстоятельства преступления.

«С Михаилом Александровичем Романовым я познакомился, когда Романов в сопровождении Джонсона и его жены приехал осматривать

¹ Смышляевский сб. Вып. 5. Пермь, 2013.

квартиру, которую хотел снять у нас для себя. А потом я периодически заходил к Романову для решения некоторых технических вопросов, связанных с наймом квартиры, ходил также со мной и муж моей сестры Добродин Александр Матвеевич, который проживает по Вознесенской ул. Бывал после этого и Романов у нас. При посещении мной Романова я никого не видел. Знакомы с Романовым были также и Николаева Алиса Павловна, которая проживает по Покровской ул. Мужа Николаевой звать Георгий Сергеевич, который тоже был знаком с Романовым. В ночь [с] 12 на 13 июня с[его] г[ода] я находился дома, что могут подтвердить наша прислуга, квартирантка Падалка Вера Августовна.

О похищении Романова мне стало известно на другой день, когда к нам приходили производить обыск. Мое первоначальное мнение о похищении Романова было таково: я думал, Романов просто арестован, но потом, когда стали по городу фигурировать официальные слухи, то мне стало ясно, что Романов действительно кем-то похищен. Но кем, я даже предположить не могу, потому что это было для меня неожиданно, ибо только накануне Джонсон говорил, что завтра он придет к нам для окончательного переговора относительно квартиры. Никаких других разговоров я с Романовым не вел...»¹

Именно Сергею Тупицыну пришла 16 июня срочная телеграмма от адвоката Матвеева, зятя Н. С. Брасовой, бывшего управляющего имениями М. А. Романова: «Очень обеспокоен, сообщите подробности и где служащие: Петр (Борунов), Василий (Челышев), также вещи. Наталья Сергеевна просят, если возможно, приехать, захватив оставшиеся вещи. Матвеев».

Очень странная депеша. Отправлена она из Петрограда, из Зимнего дворца. Тем самым отправитель подчеркнул особую важность события. Но обеспокоенность насчет вещей, кажется, совсем неуместна, когда сама жизнь «похищенного» под вопросом...

Это способно наводить на подозрения. Странность можно объяснить разве что тем, что Наталья Сергеевна, находясь в страшном отчаянии, в беспокойстве, продиктовала этот текст, потому что не верила в худший исход. Отказывалась верить в смерть мужа еще много лет...

¹ РГАСПИ. Ф. 588, оп. 3, д. 17, л. 49 – 59 об.

Одновременно с Сергеем Владимировичем Тупицыным следователь Меншиков допрашивал еще одну «свидетельницу». 22-летняя прислуга Тупицыных Любовь Мисюрева дала показания на допросе против своих хозяев: «...знакомством с Романовым Тупицыны гордились. Кроме того, я замечала, что у них есть что-то тайное, и это тайное знают только знакомые Тупицыных, каковых у них много. Семейство Тупицыных часто вслух высказывается, что они ждут свержения советской власти, чтобы потом быть в милости у Романова, которому они пророчат быть царем».

Других предложений у темной крестьянской девушки просто не могло появиться. Классово чуждые люди... Потомок одного пермского семейства, которое в далеком 1918-м также общалось с ссыльным гражданином Романовым, внучка Г. И. Кобяка Ариадна Георгиевна сообщила автору этих строк, что потомки Тупицыных «жили у Дальней, но, судя по всему, сменили фамилию или уехали из Перми».

Они даже встречались, Тупицыны и Кобяки, и было это в первые советские годы... Дальняя улица в 1964 г. переименована в улицу Хохрякова, матроса, который участвовал в убийстве царской семьи...

ТАЙНА ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ (ПРИМИРЕНИЕ НА КЛАДБИЩЕ)

Однажды во время акции «Общая память» по восстановлению старинного Егояшинского кладбища я познакомился с интересным человеком – вдовой бывшего председателя Пермского (Молотовского) горисполкома Н. Н. Зайцева (в 1940-х гг. он работал секретарем горкома партии).

Зоя Герасимовна Зайцева (Карасева) пришла на кладбище навестить могилку своего отца (мужа своего Николая Николаевича она похоронила уже на другом, Южном кладбище). Скромный памятник Г. Г. Карасеву стоял у тропы, здесь мы и встретились первый раз.

– Вы знаете, – сказала мне эта женщина, – сейчас вот пишут о том, как убили Михаила Романова, я читала статью краеведа Торопова. Можно, значит, уже... А мой папа весной 18-го виделся с Михаилом почти каждый день, общался с ним.

Оказалось, что Герасим Гаврилович, отец Зои Герасимовны, служил в той самой гостинице, в «Королевских номерах». Он был поваром, потом завел свое дело. В «Королевских номерах» у него была кофейня «Альпийская роза». Кофе варил и для бывшего великого князя. Герасим Карасев, по словам дочери, перед революцией вполне «раскрутился», у него и квартира была в этих номерах.

Запомнилось дочери из папиных рассказов, что Романов в общении был простой и обходительный, интересовался жизнью собеседника. Герасиму было что рассказать, он все в Москву мечтал уехать, там дело завести. Поварскому искусству его в столице и обучили в отрочестве, работал несколько лет при московской ресторации. Потом плавал по рекам российским, аж до Енисея добрался, там уже вместе с женой Анастасией Федосеевной буфет на пароходах держали. Шестерых детей вырастили...

– В Перми папа оказался уже опытным поваром, – рассказала Зоя Герасимовна. – Ну и пустил корни, как говорится, благодаря чему и познакомился с исторической фигурой. Я имею в виду Романова. Михаилу нравилось само название – «Альпийская роза», он интересовался, почему так называли кофейню. Уж не помню, откуда у папы появилось это название, кажется, пирожное такое было в ассортименте. Да папа все умел готовить, мы же, помню, дома даже свиней держали. Папа умер, когда мне лет семь было...

Вот так и получается: кто-то в Перми «охотился» на последнего Романова, пылая классовой ненавистью, а Герасим Карасев убийству Михаила ужаснулся. Жалел его по-человечески. А что касается того, какая кухня была в «Королевских гостинице и номерах» (именно так напечатано в объявлении, появившемся в справочной книге «Вся Пермь» на 1911 г.), то реклама обещает, помимо электрического освещения, ванны, водопровода, водяного отопления, общего зала, телефона и посыльных, еще и русскую, и кавказскую кухню под наблюдением опытного повара и вина лучших фирм. Так было в мирные времена...

Автором упомянутой выше публикации о казни Михаила Романова в Перми был действительно Сергей Торопов, известный пермский краевед. (Мне это памятно еще и потому, что статью Торопова готовить к печати довелось мне, я работал тогда в редакции «Вечерней Перми», а вскоре эта публикация была перепечатана многими центральными изданиями.) Произошло это событие уже в годы перестройки, в период гласности. До той поры пермское царевубийство было тайной за семью печатями, на эту тему боялись говорить, писать. Помнится, Сергей Афанасьевич рассказывал нам с оглядкой о том, что его отец бегал к «Королевским номерам» посмотреть на «живого Романова», и что там

*На «Королевских номерах» в 1913 г.
вывешивали флаги*

стоял часовой, и что таких любопытных, как отец краеведа, случалось, собиралось немало. И ведь что странно: С. А. Торопов не сразу согласился писать об этом «темном деле», как он выразился. Тоже чего-то опасался...

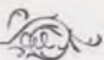
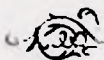
Да и было чего опасаться. Читая показания людей, допрошенных после «побега» Михаила, можно найти подтверждения того, что иные откровенно боялись общаться с ссыльным гражданином Романовым. Так, гражданин Крумнис, живший в те дни в той же гостинице № 1, сообщил, что, как ему показалось, вид у Романова был «болезненный и обреченный» и что с ним «все опасались общаться». Другой случай не менее характерен: владелец сапожного магазинчика захлопнул дверь, заметив, что к ним направляется Михаил Романов.

Нужно сказать, что отношение народа, в массе своей, к убийству великого князя Михаила Романова, а также его брата, бывшего царя, и членов царской семьи было довольно равнодушным, индифферентным. Большевики убедились в этом еще до казни в подвале Ипатьевского особняка. В качестве «пробного шара» в советских газетах было помещено ложное сообщение о расстреле бывшего императора и его супруги – специально, чтобы проверить, какой будет реакция и в России, и за рубежом. Никаких массовых выступлений, восстаний в ответ не последовало...

Писатель Всеволод Иванов, служивший в годы Гражданской войны на Урале, сотрудничавший в Перми с колчаковской прессой, написал позже очерк «Расстрел семьи Романовых»¹. Оказавшись на Дальнем Востоке, он случайно познакомился в Хабаровске с одним из участников расстрела семьи Романовых, звали его А. Г. Кабанов (в охране Дома особого назначения такой действительно значился). Вспоминая то драматичное лето 1918-го, Иванов оценивает события с позиции этого палача и выводит на историческую арену еще один любопытный персонаж: «...на базаре у станции железной дороги – толпы народа. Читаем в местной газете: расстреляны царь и царица, царская семья отправлена в надежное место. Какая-то торговка кричала: „Врут большевики, царя этак не возьмешь!“ А тут как раз наш шофер, который возил трупы, пьяный, кричит: „Да я их всех вез, готовы!“ В него полетели картошка, морковь. Я его увел...»

В дальнем квартале (у Всехсвятской церкви) был предан земле прах С. И. Люханова, умершего в 1954 г. Никто уже к тому времени ничего о его прошлом не знал. Между тем это тот самый шофер, «насхавший» (в прямом и переносном смысле) на царскую семью. Да, это именно Сергей Люханов был за рулем грузовика «Фиат», вывозившего трупы расстрелянных Романовых, их слуг и доктора Боткина из Ипатьевского особняка июльской ночью 1918 г. До революции он работал шофером, на телефонной станции, машинистом. Вступил в партию большевиков. После Гражданской войны ездил по стране с места на место, словно пытаясь спрятаться... От кого? От себя? От своей совести?

¹ Иванов Вс. И. Из неопубликованного. Л., 1991.

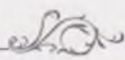
Его жена оказалась более стойкой большевичкой, она ушла от Люханова, не простив ему идейного отступничества (об этом рассказывает в книге Э. Радзинского «Господи, спаси и умири Россию...» сын шофера-убийцы).

Последние годы Люханов трудился слесарем пермской инфекционной больницы и дожил, надо сказать, до 80 лет. Его жена Августа умерла молодой, заболев тифом, в 1924 г. Перед смертью она попросила сына передать мужу, что была неправа... Но Люханов прожил – промучился всю свою жизнь, так и не узнав о словах жены. Ему сказали об этом только на смертном одре.

Однажды во время экскурсии по старому кладбищу произошел странный, почти мистический случай. Когда мы подошли к железной пирамидке на могиле Люханова, один из гостей города решил сфотографировать надгробие. И вдруг из-за люхановского памятника на нашу группу выскочил и зарычал огромный пес, словно охранял и специально поджидал нас...

В новом, XXI в. на территории старого Егошихинского некрополя появились новые памятники и даже целые мемориалы. Родственники поставили новое надгробие Герасиму Карасеву. Православная церковь благоустроила место предполагаемого захоронения графини Гендриковой и гофлектрисы Шнейдер. К посещаемым местам кладбища относится и памятник на могиле председателя УралЧК Лукоянова.

Как будто здесь, в Парке памяти, найден свой, пермский вариант примирения истории.

Убоимъ ЦРК. въ покаяніи Бога молюсь
 за миръ родной и міровъ сѣятель и
 вѣрѣ на многіхъ лѣтахъ прожить
 въ мирѣ и въ бѣзвѣдѣ и въ покаяніи
 на прощаніи мира и на прощаніи
 твоемъ дорогому Отцу моему. —
 Андроникъ, Епископъ Пермскій
 и Вятскій.

Перед казнью. Епископ Андроник. Худ. Т. Котегова.
 Автограф епископа, оставленный в книге почетных гостей Пермского музея

IV

**КАЗНЬ ПО-БОЛЬШЕВИСТСКИ
«А ПОТОМ УЖЕ ПРИВЫКЛИ»**

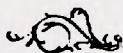
ПРИКАЗ ИЗ ЦЕНТРА: «ИСТРЕБИТЬ ПОД КОРЕНЬ!»

Несомненно, один из самых важных вопросов исторического исследования «преступления века» — кто отдал приказ? Имеет ли отношение к убийству царской семьи на Урале, в Перми, Екатеринбурге и Аланаевске, советское правительство, Москва? Конкретно — Ленин, Свердлов, Троцкий...

После развала СССР, в первые годы существования Российской Федерации, всё чаще писали о том, что Романовых расстреливали местные Советы. Самая распространенная точка зрения, что «народ устал» от самодержавия, что «творчество освобожденной массы» вылилось, в частности, в неконтролируемые акты пролетарской мести. В Екатеринбурге несколько первых советских лет даже существовала площадь под таким названием — имени пролетарской мести, потом власть спохватилась, убрала, но Пролетарская улица до сих пор пролегает мимо Храма-на-Крови.

Та же мысль о самосуде над Михаилом Романовым усиленно проводилась и в Перми в 1990-х гг. Об этом писал, в частности, один из первых исследователей темы известный краевед С. А. Торонов. В сборнике «Скорбный путь Михаила Романова...», вышедшем в Перми в 1996 г., один из разделов, составленный из современных публикаций, так и назван — «Самосуд». И только со временем, с вводом в научный оборот новых источников, со всей очевидностью был сформирован вывод: вся операция по ликвидации Романовых, по истреблению их под корень (с детьми) была спланирована и управлялась из центра, руководителями партии большевиков.

Вся историческая «заваруха» начинается с первой строчки печально известной теперь записки Я. Юровского, коменданта Дома особого назначения: «16 июля была получена телефонограмма из Перми на условном языке, содержавшая приказ об истреблении Романовых...» Имеет-

ся в виду приказ, полученный из центра и переданный через Пермь. Но еще раньше произошли любопытные разговоры председателя Уралсовета Александра Белобородова с Яковом Свердловым, председателем ВЦИК. Здесь и далее нам приходится говорить о Перми и Екатеринбурге, потому что операция задумывалась из одного центра, руководили ее исполнением одни и те же лица. Некоторые сбои, несогласованность происходили уже на местах, что было вполне объяснимо: опыта не хватало, шла война и т. д.

О синхронности действий, о единой тактике палачей неопровержимо свидетельствует случай с расстрелом Михаила Романова в Перми, точнее, с тем, как расстрел был обставлен. На тот же день 12 июня в Екатеринбурге планировалось такое же «похищение» и убийство членов бывшей царской семьи и их приближенных. Как объяснили Николаю Романову сами охранники – «ввиду угрозы нападения анархистов»¹. Спустя несколько лет А. Белобородов напишет (он еще пробовал себя в литературе): «Мы считали, что, пожалуй, нет даже необходимости доставлять Николая в Екатеринбург; что, если представятся благоприятные условия во время его перевода, он должен быть расстрелян в дороге». 3 мая 1918 г. Белобородов получил от Свердлова телеграмму, предписывающую «содержать самым строгим образом». Вот теперь включается хронология убийственного процесса, уже слышен тикающий механизм, заложенный под семью – весь дом Романовых. Белобородов ответил, что принимает к исполнению. И затем докладывает в Москву, что уже удалось обнаружить документы, свидетельствующие о подготовке побега царской семьи, о существовании плана, разработанного офицерами.

*Царевубийца Белобородов
Александр Георгиевич*

¹ См.: *Дневник Николая II. Запись 31 мая (13 июня)*. Цит. по: *Убийство царской семьи. Свердловск, 1991*.

Подробный анализ этого «плана побега» дан в докторской диссертации. автор – Л. А. Лыкова, известный историк, сотрудник Российского госархива социально-политической информации (РГАСПИ)¹. Людмила Анатольевна – наша землячка, выпускница истфака Пермского госуниверситета. Основываясь на подлинных источниках, она, в частности, раскрывает не лишнюю блеска и хитроумности провокацию чекистов, с помощью которой Уралсовет убеждал всю мировую общественность в подготовке побега царской семьи из заключения. Источниковедческий анализ показал, что письма того самого «преданного императору офицера» сочиняли чекисты, а писал член комиссии УралЧК И. Родзинский.

С документами на руках, так сказать, руководствуясь логикой и чутьем историка, основываясь на анализе переговоров на эту тему, сообщений и указаний В. И. Ленина и Я. М. Свердлова, Л. Лыкова доказывает руководящую роль центра, решающую роль в кровавой уральской операции. Глубокое погружение в тему, знание первоисточников, для многих недоступных, позволяет автору научной работы критически относиться и к авторам известных публикаций, книг на данную тему. По ряду моментов «достается на орехи» не только Э. Радзинскому, Л. Сониному, но и одному из первооткрывателей темы – доктору А. Авдониному и даже В. Хрусталеву (с последним Л. Лыкова выпустила в 1996 г. в издательстве «Пушка» сборник документов «Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы»).

Для расследования «пермского злодеяния», как названо убийство в июне 1918 г. Михаила Романова и его секретаря Джонсона, публикация докторской диссертации Людмилы Лыковой имеет немаловажное значение. В работе содержатся ценные сведения о «пермском следе», который по-прежнему называют неразработанным ряд историков. Достаточно убедительно показано, что расстрел императорской семьи был осуществлен по согласованию с центром. Ее вывод: утверждения о непричастности В. И. Ленина к расстрелу несостоятельны. Заслуживают внимания сведения о прямых переговорах В. И. Ленина с председателем Уралсовета А. Г. Белобородовым.

Несколько иного мнения придерживается на сей счет кандидат исторических наук Л. А. Обухов: «Утверждение о том, что расстрел – инициатива центра, а не Уралсовета, на наш взгляд, не очень убедительно. Скорее,

¹ Лыкова Л. А. Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи. М., 2007.

это все же была совместная акция. Безусловно, следует отметить вывод Л. А. Лыковой, сделанный на основе собственного анализа ленинских документов, что В. И. Ленин был в курсе всех перипетий с императорской семьей. Хотя документа с прямым указанием о расстреле Николая II и его семьи не обнаружено, автор считает, что такое указание В. И. Ленина вполне могло быть. Окончательную точку в этом вопросе может поставить только конкретный документ, а значит, следует продолжать источниковедческий поиск».

Один из источников сведений на эту тему кроется в воспоминаниях Льва Троцкого. Оказавшись в изгнании, этот «вдохновитель Октября» (его называли соавтором революции, вместе с Лениным, и строителем Красной армии) вспоминает: «...следующая моя поездка в Москву состоялась после падения Екатеринбурга. Разговаривая со Свердловым, я спросил между прочим: „Да, а где находится царь?“ – „С ним покончено, – ответил он. – Он расстрелян“. – „А где семья?“ – „И семья вместе с ним“. – „Все?“ – „Все! – повторил Свердлов. – Ну и что?“»

Троцкий тогда еще спросил, кто принял это решение об убийстве всей семьи. Ответ Свердлова: «Решение было принято здесь. Ильич посчитал, что нельзя оставлять белым живое знамя, вокруг которого они объединяются, особенно в нынешних трудных условиях»¹.

Обратите внимание: эти формулировки насчет «живого знамени» и пр., как эхом, повторялись из уст участников пермского злодеяния; в тех же выражениях, в тех же словах описывает убийство Михаила Романова и Николая Джонсона лидер пермских большевиков Ганька Мясников, словно инструктаж с ними провели в Москве. Собственно, инструктажи и были – во время частых приездов уральских товарищей в Москву на

Яков Свердлов,
«красный царь» –
вдохновитель и наставник
уральских большевиков.
Худ. Р. Багаутдинов

¹ Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы. Пермь: Пушкин, 1996. С. 79–80.

съезды, встречи, конференции. В том же «революционном духе» пишут свои полуграмотные воспоминания мотовилихинские чекисты.

Белых и пушистых в этом грязном деле нет. Примечателен комментарий Л. Троцкого к откровению Я. Свердлова: «Больше вопросов я не задавал. В конце концов, решение это было не только целесообразным, но и необходимым. Жестокость этого акта правосудия показала миру, что мы будем продолжать борьбу без всякой жалости, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи была необходима не только для того, чтобы запугать, утратить и обескуражить врага, но и для того, чтобы также встряхнуть наши собственные ряды, показать, что возврата к прошлому нет, что впереди – либо полная победа, либо полное поражение».

Что касается нехватки прямых документов, подтверждающих участие центра в царевубийстве. Тут есть одна хитрость. Соратники Ленина вспоминают особенность его руководящего стиля – на некоторых своих записках, распоряжениях Владимир Ильич делал примечание: «Оригинал прошу вернуть мне». (Звучит, как в шпионском уголовном фильме: после прочтения сжечь!)

В общем, следов не оставлять – тем же принципом руководствовались и пермские руководители ЧК. Большевики боялись осложнения на внешнеполитическом фронте, которые могли последовать после столь варварского, негуманного уничтожения бывшей царской семьи. Однако шила в мешке не утаишь. И записки всплывают на белый свет – «рукописи не горят». И содержание, смысл поступков и главных ЦУ выступают, просачиваются в воспоминаниях и в газетах того периода.

Почему вдруг в Пермь в сентябре 1918 г. примчался сам Яков Свердлов? Конечно, не только для того, чтобы участвовать в открытии еврейского рабочего клуба. В местных «Известиях» сообщения о пребывании тов. Свердлова перемежаются расстрельными списками заложников. (об этом ниже). Связь тогда была ненадежная, и поэтому председатель ВЦИК лично на месте отлаживал механизм операции «Прикрытие» по дезинформации общественного мнения.

Сопоставление событий, анализ вновь открывшихся источников позволяют восполнить белые пятна. Сторонники версии о самосуде должны подумать о такой детали: если местные чекисты самостоятельно, на свой страх и риск решились убрать М. Романова, то почему же они столь робко запрашивают центр (документы до нас дошли) о том, как поступить «со слугами Романова»? В деле об убийстве М. А. Романова, которое

хранится в Российском государственном архиве социально-политической информации, я обнаружил интересный документ. 6 июня 1918 г. Михаил Александрович Романов и Н. Н. Джонсон обратились в Пермскую ЧК с прошением: *«Товарищу председателя Комиссии по борьбе с контр-революцией (так в тексте. – В. Г.). Ввиду невозможности продолжать жить в „Королевских номерах“ и на основании удостоверения за № 3395, выданным Городским исполнительным комитетом Пермского Совдепа за подписью тов. председателя Маринина (?) от 12 апреля, нами найдено помещение по Екатерининской улице, в доме № 212 (Тупицыных). Просим Вас ввиду отдаленности означенного дома от центра города разрешить являться в отделение милиции этого района для расписывания, а не во вверенный Вам комитет. М. А. Романов. Н. Джонсон. 7 июня 1918. Пермь»*¹.

Фактически это последний автограф последнего императора России... Одна из резолюций, нанесенная в тот же день, гласила: «Удовлетворить» (подпись неразборчива). Но вопрос решался не на одном уровне. Через пять дней Пермский Совдеп отказал в данной просьбе, обосновав отказ тем, что распоряжение о явке ссыльного гражданина принималось не местными властями, а в Гатчине. Мол, некомпетентны отменять постановления вышестоящих инстанций, в чем и удостоверили товарищей из ЧК подписавшие данное отношение тов. председателя В. Козельский и секретарь В. Трофимов. Заметим, документ этот подписан 12 июня, т. е. в тот самый день, на исходе которого и был увезен на бессудную казнь узник Перми. Бумага сия могла быть составлена задним числом, чтобы отчасти обелить себя, показав свою бдительность.

Такая робость и нераспорядительность местной власти как-то не очень увязывается с теорией самоуправства местных Совдепов Перми и Екатеринбурга, которые якобы самостоятельно, без участия Москвы расправились с Романовыми. Мы уж не говорим о том, что за «самосуд» почему-то никого из уральских «отличников» московское руководство не наказало. Ни одного человека!

Примеров скоординированности действий местных большевиков и полной их подчиненности центру (лично Свердлову и Ленину) в деле уничтожения царской семьи немало...

¹ РГАСПИ. Ф. 588, оп. 3, л. 17.

ЗЕЛЕНАЯ ПАПКА. ГАЛЕРЕЯ МЕСТНЫХ ЦАРЕУБИЙЦ

Первая экспедиция по проверке одной из версий убийства Михаила Александровича Романова была проведена летом 1997 г. в Мотовилихинском пригородном лесу. Экспедицию организовала редакция газеты «Пермские новости», раскопки проводились археологами

Пермского госуниверситета. Проверяли устные источники, «наводки» мотовилихинских старожилов. Поиск места захоронения в стороне Архиерейки результата не дал. Материал об «операции» был опубликован автором этих строк¹.

А дальше уже начинается мистика... В том же номере газеты был напечатан материал краеведа Л. Куколева (Израиль) о замечательном пермском архивисте Л. С. Кашихине, незадолго до того ушедшем из жизни. Заметка имела название «Он умел находить самородки». И кто бы мог предположить, что именно в личном архиве Леона Сергеевича хранится столько «самородков» на ту самую заветную романовскую тему?²

В архивной папке зеленого цвета за № 503 скомплектованы материалы об убийстве Михаила Романова, который для многих оставался на тот момент главным претендентом на царский трон. Здесь копия текста отречения Николая II

Боевики, пришедшие к воцеленной
власти: В. Иванченко (справа),
Н. Жугов (ГАПК)

¹ Гладышев В. Ф. Призраки великого князя пытались над нами // Пермские новости. 1997. № 133.

² Л. С. Кашихин (1932–1997) завещал личный архив своему коллеге краеведу В. С. Колбасу, который и предоставил нам возможность поработать с папкой. Лкт.

в пользу «брата нашего великого князя Михаила Александровича»; машинописная и рукописная копии заметок из газеты «Известия Пермского Совета рабочих и крестьянских депутатов» от 15 июня 1918 г.; три варианта справки К. Ольховской (заведующей Пермским истпартом – Комиссией по изучению истории Октябрьской революции и партии) 1924 г.; машинописная копия письма бывшего мотовилихинского милиционера И. Г. Новоселова; воспоминания (рукописные оригиналы) всех основных участников «ликвидации» великого князя: В. А. Иванченко, А. В. Маркова, И. Ф. Колпащикова, Н. В. Жужгова.

Конкордия Ольховская

Справка Истпарта по этому делу составлялась в 1924 г., предполагалось, что она будет напечатана в третьем томе сборника «Борьба за власть» (но так и не была опубликована). К этому времени в партийных кругах уже отшумела кампания по борьбе с вредным влиянием «мясниковщины», возможно, поэтому в деле не представлены документы, исходящие от Г. И. Мясникова, который позднее представлял себя как идейного вдохновителя и организатора убийства Михаила Романова¹.

Естественно, возникает вопрос о том, почему столь ценные документы, подлинные рукописи участников нашумевшего исторического события оказались в личном, а не государственном собрании. Как нам сообщил Владимир Сергеевич Колбас, которого можно назвать душеприказчиком архивиста, Л. С. Кашинкин говорил, что в свое время, когда он работал в Государственном архиве Пермской области, материалы об убийстве М. Романова уже были приготовлены к уничтожению. Фактически он спас их, выбрав из общей россыпи документов, «не представлявших никакой ценности». Опубликовать документы Леону Сергеевичу помешала внезапная болезнь и преждевременная смерть.

¹ Мясников Г. *Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова* // *Мир уходит: Ист. альманах. Вып. 18. М.; СПб., 1995.*

Материалы романовской папки, собранные Л. С. Кашихиным, представляют несомненную ценность по ряду причин.

Прежде всего из вновь обнаруженных первоисточников мы узнаем немало интересных подробностей, ярких деталей, проливающих новый свет на знакомое событие, а в чем-то даже и меняющих наше представление об обстоятельствах преступления. Приходится только сожалеть о том, что эти документы не появились в самом полном (на сегодня) сборнике документов «Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы» (Пермь: Пушка, 1996).

По машинописному экземпляру и первоначальному (рукописному) варианту справки Пермского истпарт можно проследить, как тщательно отбиралась автором К. Г. Ольховской «фактура». Не зря же документу предпослан гриф «с. секретно». Характерная деталь: в упомянутой книге «Скорбный путь Михаила Романова...» говорится о том, что «вслед за ссыльным Романовым выехала сюда постепенно вся его свита и различные родственники, которые селились в отдаленных кварталах Перми». Документ публикуется по машинописной копии, хранящейся в РГАСПИ. В рукописном же оригинале из кашихинской папки вместо слова «отдаленные» стоит «отдельные», что более точно соответствует действительности и меньше напоминает теорию подготовки заговора и побега Михаила Романова. Великий князь вел открытый образ жизни, и представители свиты жили неподалеку от него.

Еще один пример. В рукописном оригинале Ольховской читаем, что статья «составлена на основании сверенных показаний всех участников дела: гг. Иванченко, Маркова, Мясникова, Колпащикова, Жужгова». Слово «всех» зачеркнуто автором (К. Г. Ольховской). Нет этого слова и в машинописном варианте. Думается, совсем не случайно. Помимо Г. Мясникова, Истпарт не решился также публиковать воспоминания одного из участников «дела», а именно Жужгова, которые содержат уж очень неприглядные подробности.

Обратим внимание еще на одно расхождение. Наиболее интересна в «теплой» компании боевиков фигура Иванченко. Он занимал видный пост (начальник гормилиции) и своим поведением, располагающей к себе внешностью вызывал у Михаила Александровича наибольшее доверие. Можно сказать, благодаря этому он и сумел парализовать в великом князе волю к сопротивлению или хотя бы к тому, чтобы поднять шум, тревогу. В книге

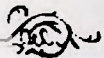
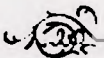
«Скорбный путь Михаила Романова...», в справке Ольховской, читаем: «Не помню, еще какую чепуху я говорил ему, – рассказывает т. Иванченко».

В рукописи воспоминаний сам Иванченко употребил другое слово – «чуш» (так в оригинале) и расписаны его «дипломатические» способности гораздо подробнее и красочнее. С другой стороны, создается впечатление, что сам Иванченко не случайно оказался «занят» в момент расстрела (удерживал лошадь). Видимо, он не хотел стрелять в свою жертву. Все же и среди убийц есть разные люди, разной степени испорченности.

Нельзя не обратить внимание на то, как старательно «выглаживает» тексты убийц заведующая отделом Истнарта, как убирает нелицеприятные, уничижительные характеристики из их воспоминаний по адресу Ганьки, Г. И. Мясникова, своего недавнего руководителя. Чувствуются отзвуки борьбы с «мясниковщиной» (подробнее об этом ниже). Сокращает она и все упоминания убийц об участии в деле главного пермского чекиста П. Малкова.

С другой стороны, редактируя неумело, коряво написанные тексты, Ольховская вольно или невольно стремится представить убийц в более выгодном, более цивилизованном образе (убирает кровавые подробности, заменяет слово «трупы» словом «тела» и т. п.). В этом проявляется негативная роль интеллектуально более развитой, образованной партийной верхушки большевиков. Кто знает, если бы документы были тогда опубликованы, к тому же опубликованы в их «первозданном», непричесанном, неприглядном варианте, – возможно, кто-нибудь, читая все это, прозрел бы и ужаснулся значительно раньше. Ведь «мемуары» написаны почти по свежим следам, по принципу «что у пьяного на языке» (в смысле – опьяненного кровью). Кто знает... И может быть, самой Ольховской спустя десяток лет не пришлось бы тогда бежать из Перми, спасая от репрессий и себя, и своих детей.

Как мы теперь понимаем, не было никакого дерева, ни сосны, ни липы, с вырезанными инициалами великого князя Михаила Романова. Публикации об этом обстоятельстве, появившиеся в начале 1990-х в пермской прессе («Где та сосна, на которой буквы ВКМР?» и т. п.), основывались только на претензиях одного из мотовилихинских милиционеров И. Г. Новоселова, – претензиях довольно-таки курьезных по сути и очень выразительных по форме: Новоселов пытался присвоить себе честь первого выстрела в Романова (грызня за такой приоритет типична в кругах царубийц). Кроме того, Новоселов, обойденный вниманием и почестями,

писал во все партийные инстанции, в том числе в газету «Правда», что он один знает, где «та историческая могилка». Более того, Новоселов стал обвинять в нечестности уже и непосредственных участников убийства Михаила Александровича и Джонсона: «Пусть эти товарищи чужими историческими подвигами не пользуются, а совершат их сами».

В специальном отношении Пермского испарта по данному вопросу говорится: «С большим трудом наконец была выявлена роль [Новоселова] в деле убийства Михаила Романова. При похищении проездом через Мотовилиху был захвачен с лопатой и дежурный в Мотовилихе милиционер Новоселов, который проезжал напрасно до места расстрела, так как в тот день Мих. Романова не зарывали, а зарывали на другой день сами участники похищения без участия Новоселова...»

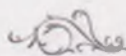
Написано отношение, судя по всему, той же заведующей Пермским испартом К. Ольховской в 1928 г. Таким образом, милиционер, вероятно, действительно ездил к месту расстрела, но в третьем фазтоне сопровождения для прикрытия операции.

Вся эта история с милиционером, напрасно суетившимся с лопатой на изготовку, напоминает фантазмагорию. Действительность, как выясняется, была еще страшнее. И надпись фигурировала, но не на дереве, а якобы на теле великого князя. А посему Николай Жужгов (сегодня бы о таком сказали «отморозюк») предлагает отрубить ему (Романову) голову, чтобы никто не узнал, кто зарыт в мотовилихинской земле...

Посмотрите, как буднично описывает хладнокровный убийца свое ужасное намерение: «...я съездил домой, поел, а затем с Колпасчиковым (так Жужгов пишет фамилию поделщика. – В. Г.) поехали зарывать. Романова грудь была исписана, а также и руки, и я ему хотел отрубить голову и руки и закопать в другое место, но Колпасchnikов сказал, не надо это делать, и я согласился, после зарывания вернулись в Мотовилиху, где мне говорят, что Михаил сбежал...»

Мы говорим: среди убийц были все-таки разные люди. Объединяло их одно: презрение к личности человека, к его правам, в основе чего лежало их духовное убожество, неразвитость. Самым ярким представителем этой «каторжной когорты», вызванной к действию большевиками, является Николай Жужгов.

О какой надписи на теле великого князя он говорит? Выскажем предположение, что этот палач мог что-то перепутать, в его воспаленном мозгу

все смешалось, кровавую череду убийств тех лет ему уже трудно восстановить в деталях, особенно после пьяных загулов¹.

Вот что он пишет: «...в 1918 г. мною был лично арестован Михаил Романов, Андроник (епископ Пермский. – В. Г.) и много других. Всю работу, доверенную мне, выполнял точно и справедливо...» (!)

А вот заключение его недавних товарищей по партии: «...тов. Жужгов за пребывание в партии с 1902 г. по причине пьянства, хулиганства уже разложился и разлагающе действует на партию»².

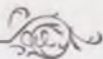
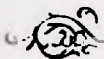
Что получается: даже его недавние товарищи по «славным» кровавым делам не выдержали, исключили из партии, не приняли и в общество политкаторжан.

И еще одно уточнение можно сделать после знакомства с новыми документальными источниками. В предисловии к книге «Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы» составители В. М. Хрусталев и Л. А. Лыкова пишут: «Расправа над Михаилом Романовым была лишь генеральной репетицией драмы, главные акты которой были разыграны вскоре в Екатеринбурге, Аланаевске, Ташкенте и Петрограде». Репетицией это убийство, как мы убедились, никак нельзя назвать, тем более что фигура Михаила Александровича (а не бывшего царя) на тот момент была в центре внимания, именно на него делалась главная ставка антибольшевистскими силами, а также влиятельными кругами Германии, Англии. (См., в частности, книгу Р. и Д. Кроуфорд «Михаил и Наталья. Жизнь и любовь». Нью-Йорк, 1997.)

Хороша же «репетиция», в результате которой насильственно убирают основное действующее лицо, после чего команда пермских цареубийц собирается ехать в соседний город, чтобы расправиться с «Николашкой»,

¹ Предположение о татуировке на теле великого князя было высказано до обнаружения личных дневников Михаила Александровича. В результате их исследования удалось установить, что татуировка действительно была! Во время путешествия в Англию в 1899 г., подражая своему старшему брату Николаю, Михаил тоже сделал себе восточную наколку, модную в те годы. Об этом свидетельствует запись из его личного дневника: «14 октября. Четверг. London, Marlborough House. Утром приехал Macdonald (?), который татуирует, он мне начал делать дракона на правой руке...» Дракон – это символ власти... Таким образом, особая примета у великого князя действительно имела. Авт.

² ГАПК. Ф. Р-404, оп. 1, д. 40, л. 1.

как они выражались. Удержать этот кровожадный порыв разошедшихся палачей удалось лишь обещанием Уралсовета провести казнь «в официальном порядке». Вместо этого была использована та же преступная и трусливая технология убийства. Никакого открытого суда не было и не могло быть, потому что большевики не были столь очевидно сильны, чтобы действовать благородно, с открытым забралом.

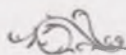
«Я – СМЕРДЯКОВ!»

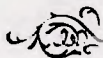
(Г. И. МЯСНИКОВ)

Еще одним, самым недвусмысленным, явным и бесспорным свидетельством определяющей и направляющей роли центра, Москвы, в убийстве Михаила Романова является то, что непосредственным организатором похищения и бессудной казни в Мотовилихе стал Гавриил Ильич Мясников, заместитель председателя Пермской ЧК и член ВЦИК, т. е. он входил в орган власти, объединявший и исполнительные, и законодательные функции. Революционер с каторжным опытом, один из лидеров мотовилихинских большевиков, Ганька – такой была у него подпольная кличка – был избран членом Всероссийского центрального исполнительного комитета в январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов. Он сам был властью! К этому и призывали большевики сознательных рабочих.

Незаурядная фигура этот Мясников. «Личность кровожадная, злобная и не вполне нормальная» – так охарактеризовала его после похищения Михаила одна из свидетельниц, принадлежавшая, кстати, к советскому кругу. В то же время это был самородок, оставшийся практически без образования, который отважился полемизировать с самим В. И. Лениным (Ульяновым), отстаивая гласность, свободу печати и слова. Помню, во время учебы на журфаке мы изучали полемику «двух Ильичей», и, надо сказать, симпатии большинства из нас были на стороне Мясникова, представлявшего партийную оппозицию.

В самом деле: Ленин пишет, что мы не можем-де допустить на современном этапе (начало 1920-х гг.) свободу печати и слова, потому что это

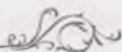
будет свобода подкупа печати буржуазией и т. п. А оппозиционер из Мотовилихи («наш человек!») отважно режет правду-матку: «Гласность уничтожит их» (т. е. недостатки и безобразия). Он обращается к вождю: «Вы не можете и представить себе, какие размеры принимает взяточничество и иные нехорошие вещи».

Вот только не было у студентов-журналистов полных, неурезанных текстов той хрестоматийной полемики. Не могли мы в 1970-х гг. прочитать самый «зубодробительный» аргумент. Это когда Ганька Мясников бросает вождю мирового пролетариата упрек: «Вы разве не знаете, что за такой разговор, какой веду я, не одна сотня и тысяча пролетариев сидит в тюрьме?...» И добавляет: «Если я хожу на воле, то потому, что я коммунист с 15 лет... а был бы я просто слесарь, коммунист того же завода, то где бы я был? В ЧК, или, более того, меня бы «бежали», как я некогда «бежал» Михаила Романова...»

О нем, о Мясникове, еще говорили, что весной 1918-го он записался в ЧК только для того, чтобы расстрелять Михаила Романова. Расстрелять – и выйти из чекистов. Так все и вышло, по сути. Почти как у Булгакова в «Беге», когда белый генерал Чарнота грозит одному прохиндею проделать точно такой же номер (в смысле – ЧК).

Которые тут временные... Гавриил Мясников (справа от шофера), Ганька – непосредственный организатор казни последнего Романова

*Цареубийцы. В. А. Иванченко
(второй справа), Г. И. Мясников (в центре)*

5 декабря 1918 г., когда колчаковцы подступали к Перми, эсеры подняли восстание на Мотовилихинском заводе. На митинге по этому поводу выступил Мясников как член Временного революционного комитета. Ему удалось убедить рабочих не поддерживать эсеров. Восстание не получило развития и заглохло. Но спустя всего 20 дней белые взяли город. Фигура Мясникова в самый

драматичный период «пермской катастрофы» довольно выпукло вырисовывается из воспоминаний М. Овчинникова, бывшего чекиста.

«...Мы отступали из Перми 24 декабря 1918 года. Числа 20 декабря на одном из партийных собраний в Мотовнлихе Мясников призвал дать отпор колчаковским войскам... Дальше я с Мясниковым встретился в Казани в феврале или марте 1919 года. Мы были без квартир, денег, довольствия. Нашли Мясникова и обратились к нему как члену ВЦИК и были свидетелями следующей картины. Мясников своим гортанным голосом: „Вот видите, как над нами, мотовилихинцами, измываются — сидим без хлеба“. Кто-то из сидящих заявил: „Вы, уральцы, только Романовых и умеете расстреливать“.

Это Мясникова взорвало, и он стал говорить грубо и даже дерзко. Тогда председатель ревкома, обращаясь к Мясникову, сказал: „Тебя через 24 часа здесь не будет“. Мясников же ему заявил: „Если меня не будет, то и тебя не будет здесь“. Однако председатель ревкома остался, а Мясников меньше чем через 24 часа вынужден был выехать из Казани, по распоряжению ревкома или по телеграмме из Москвы — не знаю, но остался он побежденным, это было наше общее мнение»¹.

¹ Аликина Н. А. *Дон Кихот пролетарской революции. Пермь, 2006. С. 39.*

Финал этого партийного бузотера был печален... Ганька, можно сказать, его напроорочил себе. Попав в опалу, он окажется в сплошной изоляции. Родная Мотовилиха будет усердно искоренять «мясниковщину». Сам Мясников в 1928 г. бежит за рубеж. После войны, в 1945 г., будет привезен «своими» же советскими чекистами в Москву. Там его без долгих разбирательств поставят к стенке.

КЛЕЙМО ЦАРЕУБИЙЦЫ

«Много тайн хранит наша история. И меня так удивляет то, что секреты эти до сих пор остаются невестребованными» – такое признание вырвалось у моей собеседницы известного архивиста заслуженного работника культуры Н. А. Аликиной. В 2006 г. Надежда Алексеевна выпустила книгу «Дон Кихот пролетарской революции», в которой решилась приоткрыть завесу над страшными партийными тайнами.

Интересно описание первого контакта свежеиспеченного чекиста Мясникова и ссыльного Романова. В первый же день работы в Губческа Мясников потребовал у председателя комиссии Федора Лукоянова отчет о работе, хотя прав и полномочий па это не имел. Он обвинял Лукоянова в том, что тот «злоупотреблял репрессиями рабочих», не разделявших взгляды большевиков. Мясников спросил: «За что расстреливаете в подавляющем большинстве рабочих и крестьян?» Ответ был искубедительный: «Они шептуны». Мясников тут и взвился: «Странно. Михаила Романова берегут, а рабочих расстреливают!» – и, не открывая прений, он внес такие предложения:

1. Круго изменить линию ЧК – рабочих и крестьян не расстреливать.
2. Конкретно определить, кто подлежит расстрелу: высшие чины полиции, жандармы, шпики, провокаторы.
3. Общая линия ЧК – борьба с партиями буржуазии и попов.

Все три предложения были приняты безоговорочно. Перестановку в руководстве Губчека, по вине Ганьки, наметили следующую: Ф. Н. Лукоянова откомандировали в Екатеринбургскую ЧК, его заместитель П. И. Малков стал председателем (Мясников дал ему такую характеристику: «Столяр, средний рост, полноватый, крепкий, ленивый читать, еще более ленивый думать»).